

М. ДАДАШЕВ

ПОЛОНЕЗ ЛЮБВИ

**Михаил
Дадашев**

Полонез любви

г. Дербент

ПОЛОНЕЗ ЛЮБВИ

Дербент, Издательство «Типография № 3»
2000—142 стр.

© **ДАДАШЕВ М.**

Памяти моего незабвенного
друга Григория Орловского
посвящается.

Тайна тетради № 7

На небосклоне журналистского олимпа неожиданно, словно не открытая ранее звезда, заблестало вдруг доселе неизвестное широкому кругу читателей имя репортера популярной газеты «Нью-Йорк дейли ньюс» Роберта Прогнози. Его информации в газете о совершенно свежих, можно сказать, всего лишь часовой давности событиях, лаконичные и выверенные до ювелирной точности, ошеломляли своей оперативностью, невольно выделяя его среди целого сонма известнейших репортеров не менее именитых газет. Основатели общественно-политических еженедельников, издатели популярных газет, обещая ему самые высокие гонорары, пытались любой ценой заманить его к себе, но Роберт Прогнози оставался верен своей газете, хозяин которой, в свою очередь, выплачивал ему все большие и большие вознаграждения, ибо тираж его детища рос в геометрической прогрессии.

Многие коллеги пытались узнать секреты его методов, ходили за ним чуть ли не по пятам, тайно заглядывали в окна его рабочего и домашнего кабинетов, в то время, когда он работал за письменным столом, с помощью нанятых детективов пытались за-

лезть в его шкафы, украсть блокнотные записи, но разузнать что-либо существенное им так и не удалось. Однако вынудили Роберта, ставшего к тому времени не только известным, но и очень богатым человеком, усилить свою охрану таким образом, что теперь проникнуть к нему, без опасения потерять голову, никто не решался.

Феномен Роберта Прогнози так и остался бы непознанным, тайна его была бы не раскрытой и он унес бы ее с собой в могилу, если бы в одной из его многочисленных тетрадей не оказалась присущая только ему одному, лаконичная запись: «Договор с дьяволом» и рядом цифра «7». Биографу Роберта Прогнози пришлось немало попотеть: основательно порыться в его архивах, простучать все стены кабинета, снять с полок шкафов все книги, потрогать руками и прощупать всякие задвижки и ручки, чтобы совершенно случайно, уже без всяких надежд на успех, ему не посчастливилось найти в одном из книжных шкафов тайник, где преспокойненько лежала толстая, похожая на амбарную книгу, тетрадь, на которой была выведена цифра «7». В этой таинственной тетради хранился десятилетний секрет успехов знаменитого репортера, его скрупулезный отчет за каждый прожитый день с момента заключения им договора с дьяволом до последних часов жизни...

Двадцатисемилетнему Роберту постоянно не везло. Журналист из обоймы средних, он, за отсутствием средств, а значит и транспорта, всегда и везде не успевал: не успе-

вал вовремя прибыть на происшествие и его информация приходила в редакцию после того, как она ушла в набор за другой подписью, не успевал попасть на ярмарки, выставки, в музеи, где вывешивались редчайшие картины или экспонаты, опаздывал на презентации или вручении наград высоко одаренным особам. И хотя его информации отличались иногда оригинальностью мышления, все равно они выбрасывались в корзину редактора, так как подавались им с опозданием, после того, как поезд уже ушел.

Коллеги подшучивали над его неудачами, а иногда они становились предметом их открытых насмешек. Однако главное было в другом, наиболее важном, они, эти неудачи, нещадно били по его и без того пустому карману, доводя его до отчаяния, до нервных срывов, которые в последнее время преследовали его даже дома. Недаром говорят: где тонко, там и рвется. Неудачи, бедность, бег за недостигаемой мечтой привели к тому, что однажды его покинула и жена...

Бывали минуты, когда он, с тайной ненавистью разглядывая своих довольных жизнью коллег, жалел себя, считая, что он, Роберт Прогнози, среди них самый одаренный, талантливый репортер, однако, по иронии судьбы он же и самый невезучий, просто над ним, считал он, постоянно висит злой рок, который почему-то не дает ему жить.

Вот в таком состоянии безысходной тоски и полной беспросветности, Роберт Прогнози оказался ранним осенним утром в своем редакционном кабинете, поскольку хозяин

квартиры выгнал его за неуплату, и после мрачных раздумий решил свести счеты с жизнью, повеситься на крючке от снятой когда-то большой люстры. Написав на листке газетной бумаги, чтобы в его смерти никого не обвиняли, он нашел кусок веревки, смастерил петлю, поставил на стол полумягкий стул, на котором всегда сидел и хотел было подняться на него, как вдруг услышал незнакомый голос.

—Что, решил покончить с жизнью, дружок..?

—А что мне остается делать?—испуганно воскликнул самоубийца, оглядываясь по сторонам, однако не найдя говорившего, удивленно спросил. — Ты кто?

—Я... — твоя судьба,—ответил голос,—хочу тебе помочь...

—А где ты была раньше? — возмутился Роберт. — Отвечай, черт тебя возьми, а не то, дай мне умереть спокойно!..

—Ишь чего захотел! Нет, дружок, ты умрешь тогда, когда велю я, запомни это,—уверенно ответил голос,—а пока я пришла тебе помочь. Небось, жить лучше, чем умереть? Так, хочешь ты меня выслушать?

Роберт слез со стола, выбросил веревку, поставил стул на место и сел.

—Если ты не дьявол, говори, — все еще с сомнением произнес он, еще раз, оглядываясь по сторонам, а потом решительно добавил, — если даже дьявол, я выслушаю, мне теперь все равно...

—Называй меня как хочешь, суть не в этом, — заговорил снова голос,—я предла-

гаю тебе заключить со мной договор...

—Что за договор?—все еще не веря своим ушам, с сомнением спросил репортер.

—Если ты выполнишь его условия, станешь великим репортером, к тебе придут слава и богатство.

—Каким образом? Ты что, волшебник?—удивился Роберт.

Оставив последний вопрос репортера без внимания, голос ответил:

—Каждое утро я буду оставлять на твоём рабочем столе информацию о том, что произойдет сегодня в нашей стране. Короче, сегодня рано утром тебе станет известно по часам и минутам обо всех важнейших сенсационных событиях и происшествиях, которые произойдут позднее. Ты даешь их в газету под своим именем, поскольку ты узнал о них еще до того, как они произошли, но обязательно произойдут сегодня. Понял?

—Как это?—не дошло до него сразу.—Как ты об этом будешь знать, если они еще не произошли?

—Это уже мои проблемы..,—недовольно пробурчал голос.

—И как долго это будет продолжаться?—поинтересовался репортер, все еще не представляя себе подобной перспективы.

—Год, может десять лет, а может и дольше,—ответил голос.

—Какое же это условие?—снова задал вопрос Роберт. — Может я его не сумею исполнить?

—Оно тебе вполне под силу...

—В таком случае, я согласен,—ответил

репортер.

—Вот и хорошо, — обрадовался голос, — а условие таково: ты беспрекословно даешь в газету все, что я тебе предоставлю, можно с небольшими авторскими вариациями, но никогда ничего не пропускаешь и не прекращаешь исполнение договора без моего согласия, иначе тебя ждет смерть, договорились?

—Это же так просто, — удивился Роберт, — я принимаю эти условия...

—Прекрасно. Считаем, что договор заключен, — торжественно произнес голос и незаметно положил на стол репортера обещанную информацию.

—Скажи, пожалуйста, — успокоившись, обратился Роберт к голосу с последним вопросом, —зачем тебе это нужно?

—Я провожу эксперимент! —ответил голос и более тверже добавил.—Все, аудиенция окончена, впереди тебя ждет легкий путь к вершине и не легкое испытание...

Так Роберт Прогнози, благодаря случаю, свернув с трагического пути неудачника и готового к самоубийству человека, вышел на доселе неизведанную стезю репортера-волшебника, о невероятных способностях которого в скором времени заговорит вся страна.

В это раннее, наполненное волшебством, утро на его столе лежала редчайшая информация о сенсационном пожаре, который произошел всего час назад в Нью-Йоркском офисе крупнейшей корпорации «Моторс», унесший жизнь всемирно известного главы компании. Не менее интересными оказались

и две другие информации.

Наскоро переписав их на свой манер, но с сохранением всех данных первоначальной подачи, как он поступит и в дальнейшем, Роберт с волнением отнес их дежурному редактору, который немало удивился его оперативности, но похвалил и сразу же отправил в срочный номер.

Сенсационное сообщение репортера о происшествии потрясло всех, ибо подобные события держали в строжайшей тайне и до поры не разглашали.

Первым Роберта Прогнози поздравил хозяин и преподнес ему конверт с вознаграждением. Такой чести, за последние пять лет, был удостоен лишь один сотрудник. Затем последовали похвалы и поздравления других. Теперь его репортажи с места событий следовали и в последующие дни, вызывая восхищение особым взглядом на происходящее, острым пером репортера-мыслителя, поражая тонкой наблюдательностью и неправдоподобной оперативностью, под удивительно редким углом зрения, как повернутая к свету и неожиданно заблестевшая грань алмаза. Редакторы давали их, как говорят, с листа, без всяких дополнительных проверок и сомнений, ибо их точность могла служить эталоном.

Слава о его вездесущности, пронируемости и связях в самых недоступных кругах, стали притчей во языцех, однако сам репортер о них не распространялся. Это и понятно, не мог же он говорить о том, что продал душу дьяволу. Для всех он оставался тайной за семью печатями. Вместе с тем росло и его

богатство. В скором времени он купил роскошный дом из восемнадцати комнат, с огромным бассейном, с великолепной зеленой поляной для игры в гольф. Для вечерних прогулок приобрел породистых лошадей, за два последних года сменил уже третью машину на новенький блестящий «шевроле» с всевозможными удобствами.

Произошли изменения и в его личной жизни, уже через три года, после указанных вначале событий, Роберт Прогнози удачно женился на единственной дочери владельца крупной автомобильной компании, получив, таким образом, доступ к огромному состоянию тестя и жены. Несмотря на щедроты, сыпавшиеся на него, словно манны с небес, репортер оставался всегда стройным, подтянутым и подвижным, став кумиром многочисленных поклонниц.

При этом он добрее не стал, никогда не забывал недавних насмешек и унижений коллег, при случае старался им навредить, сделать больно, но делал это исподтишка, как бы чужими руками. Молодым собратьям по перу не мешал, но и не помогал, правда, насмешек и унижений за неудачи над ними не чинил, оставаясь для них холодной статуей на недостигаемом пьедестале почета.

Иногда, сверх получаемых каждое утро потрясающих сведений, он не чурался и поступающей к нему самой информации и просьб высокопоставленных особ, о которых он за немалые вознаграждения писал репортажи, интервью или развернутые аналитические размышления, обещавшие им определенную известность. Хотя материалы эти

особой ценности не имели, все же теперь все, что выходило из под его пера, становилось сенсацией. Имя Роберта Прогнози стало легендарным.

Действительно информации и статьи, которые он готовил по собственной инициативе, тускнели перед блеском и великолепием тех, которые каждое утро оказывались на его столе, однако Роберт Прогнози считал «свой» шедевром, образцом журналистского мастерства. А в последнее время вообще все чаще приходил к мнению, возомнил, что он и в самом деле непревзойденный репортер, можно сказать, колосс, титан, что сегодня равных ему нет и таковым он стал вовсе не потому, что ему помогает дьявол, нет, а благодаря лишь собственным способностям, своему таланту.

Однажды утром, по своему обыкновению, просматривая сенсационную информацию дьявола, Роберт Прогнози пренебрежительно вздох произнес:

—Ха.., ничего особенного, такие вещи и мне под силу,—затем подумав недолго, решительно добавил,—да, хватит ходить на привязи, пора подумать о расторжении этого пресловутого договора.

В связи с женитьбой у него, естественно, появились новые друзья: подружи жены с их мужьями, сыновья крупных банкиров и промышленников, с которыми он на равных проводил время на всевозможных банкетах, балах и других веселых вечеринках. В качестве официального гостя и известнейшего репортера его часто приглашали на дипломатические встречи к президенту и в пра-

вительство, без него не обходились сколько-нибудь известные события в стране. Он постоянно был в гуще всего, что происходило в стране и за рубежом. О некоторых из них он узнавал раньше всех, еще до того, как они намечались—каждое утро на столе его теперь уже нового роскошного кабинета оказывались информации обо всем, что должно было произойти позднее. Если раньше он принимал все это как должное, теперь же все чаще задумывался над тем, как, каким образом дьяволу удастся быть столь осведомленным, старался открыть его секрет, чтобы использовать себе на пользу.

Дело дошло до того, что однажды в шесть часов утра Роберт засомневался, не поверил тому, о чем сообщалось в очередной информации дьявола.

«Сегодня на рассвете, в 5 часов 30 минут, в своем загородном доме убит известный глава сицилийской мафии в Нью-Йорке Винченцо Риголетти. Сведущие источники считают, что убийство произошло из-за сфер влияния. Полиция, как всегда, прибыла к месту происшествия с опозданием».

Боже мой, подумал Роберт, прочитав это сообщение, наверное, убийцы еще находятся в доме Винченцо, не успели скрыться... Но опубликовать эту информацию следовало обязательно, поскольку не было еще случая, чтобы дьявол ошибся, дал не точные сведения. Так быть не могло. И Роберт Прогнози, вопреки своим сомнениям, отнес редактору уже готовую информацию с кое-какими добавлениями из жизни убитого.

И действительно, впоследствии работники

судебно-медицинской экспертизы, осмотрев труп, пришли к заключению, что убийство Винченцо Риголетти произошло точно в 5 часов 30 минут утра. А если учесть, что информация для Роберта Прогнози готовилась заранее, с учетом доставки ее до места назначения, то невольно напрашивался вывод, что об убийстве мафиозного лидера дьяволу было известно еще до его исполнения! Этот вывод ошеломил репортера сверх всякой меры, и он долго не мог придти в себя.

Если это так, рассуждал Роберт, получается, что дьявол-судьба или сам принимал участие в этом спланированном убийстве, или же это делают с его непосредственного ведома. Выходит, что и в том, и в другом случае, это дело его рук. Тогда, продолжал свои рассуждения репортер, такая же участь может ожидать любого, кто связан с ним каким-либо образом. Страх обуял Роберта Прогнози. Нет, надо немедленно, пока не поздно, расторгнуть этот нелепый договор, теперь он ему не нужен, он, слава богу, может обойтись и без него. Ха, легко сказать, вдруг вспомнил он об условиях договора и горько улыбнулся. Дьявол все тогда предусмотрел и предупредил, что любой отход от договора без его согласия повлечет за собой смерть. И справедливости ради следует признаться, что свои обязательства дьявол выполнял исправно.

Ну, чего расклеился, нюни распустил, успокаивал он себя, ничего страшного, слава богу, не произошло, он, Роберт, то же не промах, до сего времени всегда выполнял свое слово, никогда условия договора не на-

рушал. К тому же, еще тогда, в первую встречу, когда они говорили о сроках договора, дьявол заявил, что он будет продолжаться «...10 лет, а может и дольше». Так что, причин для беспокойства нет, надо взять себя в руки и успокоиться.

Через два года, вспоминая об этих своих страхах и переживаниях по случаю убийства Винченцо Риголетти, Роберт Прогнози, улыбаясь, отнесет их к минутной слабости. Тем более, что дела его продолжали идти в гору, слава же росла прямо пропорционально богатству. К этому времени у него родилась дочь, вылитая красавица жена.

Беспечная и полная удовольствий жизнь: несколько месяцев в году путешествия на лазурные берега лучших курортов, круизы на собственном корабле по морям и океанам в компании пресыщенных сынков известных богачей с соблазнительными красотками в купе, все это уводило его в мир блаженства и неги, унося от дурных предчувствий и мыслей. Забылось все и ушло в прошлое.

Однажды, в разгар неудержимых страстей и веселья в доме, к нему вприпрыжку, словно клоун, подбежал какой-то незнакомый человек с бесцветным лицом и лукаво, как предупреждение, спросил:

—Что, наслаждаешься, дружок?..—и тут же скрылся.

Вначале этот нелепый человек и его каверзный вопрос застали его врасплох и вызвали неясную тревогу. Затем Роберт силился вспомнить этот, как ему казалось, знакомый голос и обстоятельства, при которых к нему обращались со словом «дружок», но,

загруженная выпивкой и впечатлениями, память так никого и не выдала. Вслед за этим последовали эротические танцы приглашенных красоток, мир блаженства окутал его и этот мимолетный, бесцветный образ исчез, словно его и не было.

Однако в конце следующего дня, уже под вечер, Роберта Прогнози охватило предчувствие какой-то беды, как это бывает у зверей накануне стихийных бедствий, природных катаклизмов. Это состояние дискомфорта, магнетического давления не покидало его до тех пор, пока неожиданно не прозвучал телефонный звонок из штаб-квартиры ООН и мелодичный женский голос передал ему, что завтра, в 17 часов, он, репортер с мировым именем, приглашается на очередное заседание Всемирной Ассамблеи. И все, обычный звонок, каких в его жизни были сотни. Поэтому напряжение, вначале охватившее его, спало, и Роберт Прогнози успокоился.

Но уже рано утром, просматривая очередные послания своего информатора для завтрашней газеты, Роберт Прогнози в своей обычной манере, как бы мимоходом прочитал:

«Вчера, в 16 часов 20 минут, на углу между шестым авеню и Вашингтонстрит, по дороге в штаб-квартиру ООН, в результате автомобильной катастрофы, в возрасте 37 лет погиб известный репортер Роберт Прогнози. О времени похорон будет сообщено дополнительно».

Прочитав это сообщение, он машинально выхватил из стопки белый лист бумаги и

собрался, было, в своем обычном стиле, подготовить очередную информацию, как, поняв, наконец, смысл прочитанного, замер с золотой авторучкой в руке. «Роберт Прогнози..??» Это что, о нем идет речь? Значит сегодня, по дороге на ассамблею, он должен погибнуть? Вот вам!—и он показал невидимому врагу кукиш. Не дожидаться им этого удовольствия, не такой Роберт Прогнози дурачок, простофиля, чтобы самому, зная, лезть в эту аварию. На ассамблею он, конечно, поедет, это дело его чести, а вот к этому шестому авеню и Вашингтон-стрит его и силком никто не затащит, ни черт, ни дьявол, ни судьба... Никакой информации о его гибели тоже не будет, ни в «Нью-Йорк дейли ньюс», ни в какой другой газете! Не дождетесь!

Почти весь день до 15 часов по полудни, Роберт Прогнози из своего кабинета не выходил, на звонки не отвечал, секретаря не вызывал, привычного кофе не просил, он усиленно думал. Мысли его были заняты лишь тем, как перехитрить дьявола-судьбу, который так коварно и подло, подняв его на вершину славы и богатства, теперь, в расцвете сил, решил его убить, устроить ему спланированную аварию. Не видать ему этого, не на того нарвался!

Он усиленно изучал карту города, намечал маршруты своей поездки и, потирая от удовольствия руки, радовался, что сумеет обмануть своего лютого врага, поедет на ассамблею совершенно другой дорогой, пусть намного миль длиннее, но зато подальше от

устроенной дьяволом ловушки.

Положив карту на колени, в предчувствии единоборства с самим дьяволом, он, в половине четвертого, сел за руль своего любимого «шевроле» и поехал к намеченной цели. Уже через несколько минут он натолкнулся на препятствие—впереди шли земляные работы и Роберту Прогнози пришлось свернуть на улицу, которая не входила в его планы. Проехав еще минут пятнадцать, он увидел огромный каток, который, раскатывая свежий асфальт, шел прямо на него. Пришлось направить машину градусов на 20 левее, к дороге, которую ранее решил категорически обойти. Однако, когда он, избрав запасной маршрут, повел машину подальше от шестого авеню, его ожидало полное разочарование, как назло, перед самым его носом свалилось огромное дерево и он снова поменял курс...

Вопреки всем его стараниям, всевозможным ухищрениям и попыткам обойти этот роковой перекресток, уйти от возмездия, причину которого он так и не понял, все же неведомая сила, а лучше сказать, сам дьявол, лукаво улыбаясь, устраивал ему разнообразные козни и вел его блестящую машину к намеченной цели. Сердцем чувствуя, разумом соображая, волей препятствуя приближению катастрофы, он, в то же время видел, что предотвратить ее, остановить это движение к бездне не может, у него не хватает ни сил, ни воли к сопротивлению. Видно, в устроенном дьяволом эксперименте, репортер не оправдал его надежд.

И тогда с Робертом Прогнози, считавшим себя гордым и бесстрашным человеком, перед лицом смертельной опасности произошла неожиданная метаморфоза, он вдруг стал хныкать, тихо слезливо жаловаться, бессвязно выражая свою полную беспомощность. Наконец, превратился в хлюпика, потеряв человеческое достоинство.

—Нет, я не хочу умирать!—твердил некогда могучий репортер, обливаясь слезами. Судорожно хватая руль, он все еще надеялся, что избежит трагического конца, произойдет чудо и оно сохранит ему жизнь...

На углу шестого авеню и Вашингтон-стрит в 16 часов 20 минут, как и предсказывалось, произошла авария, которая унесла жизнь Роберта Прогнози.

Обо всем этом, за исключением рокового момента, писал он в своей тайной тетради №7, так до конца не поверив в предсказание судьбы...

ПОЛОНЕЗ ЛЮБВИ

Эту историю поведал мне Юсуф, мой бывший сосед-иудей, некогда комсомольский вожак большого района, человек весьма мужественный и в то же время чуточку эмоциональный, с ранимой душой, уехавший несколько лет назад в Израиль на постоянное жительство. А доверился, evidently, с тайной надеждой, что к его повествованию я равнодушным не останусь, что оно меня заинтересует хотя бы профессионально, и хотел, наверное, подобным образом воскресить, не предать забвению прекрасный эпизод, оставивший неизгладимый след в его жизни, сказать ей, милой, обычно застенчивой, но на этот раз не сумевшей обуздать свои чувства, горянке¹, что увозит ее образ с собой навсегда.

* * *

Даже на пороге восьмидесятых годов комсомольские свадьбы² на село были редкостью, тем более в горном ауле, где адаты шариата³ все еще довлеют над мусульманами. В этом же ауле, с диковинным названием Кулокдере, Юсуф впервые организовал подобную свадьбу молодому активисту, сы-

¹ Горянка—женщина или девушка, живущая в горах.

² Комсомольские свадьбы—они проводились комсомольскими комитетами без соблюдения религиозных требований, а иногда и вопреки—ним.

³ Адаты шариата—свод мусульманских религиозных и бытовых правил, превратившихся в обычай, которыми руководствуются народы Кавказа.

ну местного учителя. Вопреки устоявшимся традициям, когда столы для гостей расставляются отдельно друг от друга по всему дворовому участку, что лишает свадьбу общности и азарта, здесь молодых: жениха—в нарядном черном костюме и невесту—в красивом белом платье посадили вместе во главе стола, непривычно рядышком, а сами столы расставили в длинные ряды, буквой П, покрыли белыми скатертями, собранными и привезенными из города энтузиастами, украсили полевыми цветами и накрыли четвертями искрящего сухого вина, тандырным чуреком⁴, всевозможными закусками: дулмой из виноградных листьев с простоквашной подливой, овощными салатами, разнообразной зеленью и нарезанным тонкими ломтиками овечьим сыром. Тут же рядом готовился традиционный плов и, манящий своим вкусным ароматом, шашлык из баранины.

Если прежде аксакалы⁵ привычно устраивались рядом с музыкантами, что невольно сковывало молодежь, особенно женщин, лишало их раскрепощенности, ибо не подобает при старших излишняя вольность, то на этой свадьбе их усадили в сторонке, за отдельным столом, как говорится, почетно и подальше от шума. Зато на остальной территории господствовала молодежь, искрилось веселье, зажигательно играли музыканты приглашенные в круг аульскими джигита

⁴ Тандырный чурек—чурек (хлеб), выпекаемый в круглых глинобитных печах с узким устьем.

⁵ Аксакал—белобородый почтенный старик,

ми⁶, непрерывно шли в пляс девушки и женщины. Смех и радость как нельзя лучше соответствовали яркому майскому солнцу.

Многое было непривычно ново на этой свадьбе, лишь на одном настояли родители жениха, можно сказать, уговорили Юсуфа не только не нарушить извечный обычай предков, а и самому стать участником в исполнении этого обычая, стать енге⁷ со стороны жениха, мол, будет рядом с ним и женщина—енге со стороны невесты. Вдвоем они должны были принять у жениха платок невинности⁸ после того, как молодые уйдут ночью в предназначенную им брачную комнату и станут мужем и женой. Что же касается их, енге, то им предназначалась комната рядом с брачной, разделенной лишь единственной дверью, куда никому не разрешалось входить до особого разрешения и откуда жених должен передать им этот пресловутый платок.

Хотя Юсуф в душе был против подобного обычая, все же решил согласиться и еще накануне, в беседе со знающими людьми, ему стало известно, что на роль женщины-енге, как правило, назначается самужия, более или менее искушенная в подобных делах женщина.

⁶ Джигит—сильный, мужественный, в основном, молодой мужчина или юноша.

⁷ Енге—свидетель(ница) целомудренности невесты в брачную ночь.

⁸ Платок невинности—служит доказательством невинности невесты в брачную ночь.

«А, бог с этим,—подумал тогда Юсуф,—поручу ей и свои функции, она вполне справится».

Но каково же было его удивление, когда войдя в предназначенное помещение, он увидел ту самую очаровательную женщину, которая весь день свадьбы помогала в ее проведении: стремительно накрывала столы, подавала гостям горячие блюда, а затем также быстро убирала использованную посуду и тут же рядом мыла и вытирала их насухо. При этом она успевала принимать и приглашения на танец, пускалась в пляс плавно и нежно, словно лебедь крыльями, размахивая руками. Движения ее гибкого стана были так чарующе красивы, что Юсуф не мог отвести глаз.

Не раз и не два замечал и он на себе ее заинтересованный взгляд. Правда делала она это так незаметно, быстро, словно невзначай, чтобы, не дай аллах, никто не увидел, ибо проявление прилюдной заинтересованности к чужому мужчине вызовут такие пересуды, что покроют женщину-горянку несмываемым позором. Однако, несмотря на всё это, когда в очередной раз Юсуф снова стал танцевать, она опустив голову, как это принято в горах, тоже вышла в танцевальный круг, так как танцевать с гостем в подобных случаях женщинам адатом не возбраняется.

По какой-то необъяснимой причине она сразу, с первых же минут их встречи, почувствовала между ними некую связь, словно электрический разряд потянул ее к нему и

сила была настолько велика, что остановить себя не могла.

Бывали минуты, когда, оказавшись наедине, Юсуф по взгляду ее удивительно ярких голубых глаз видел, что она хочет ему что-то сказать или о чем-то спросить, однако вдруг, неожиданно появлялся третий и она, отвернувшись, отходила в сторону.

Да, ей нравился этот высокий молодой мужчина с правильными, немного жесткими, но необычайно привлекательными чертами лица и наружности, высокий лоб которого обрамляли волнистые каштановые волосы. Он излучал тревожную смесь красоты и чувственности и ее потрясла не столько его внешность, сколько ощущение исходявшей от него силы и уверенности.

—Вы..?!—невольно вырвалось у Юсуфа, оказавшись с ней в предбрачной комнате.
—Вы не ошиблись..?

Юсуф был готов ко всяким неожиданностям, его бойцовский характер был готов к любым сюрпризам, но он никак не предполагал оказаться в подобной ситуации именно с этой совсем еще молодой, но не «искушенной», как он ожидал, женщиной, которой восхищался весь прошедший день. Поэтому он, вообще-то не робкого десятка, смущенно уставился в окно, хотя за ним было темным-темно.

В комнате горела лишь 15-ватная лампочка и ее тусклый свет создавал полумрак неведомых ожиданий.

—Нет, не ошиблась...,—тихо, не поднимая головы, наконец, ответила она.—Мне поручили родители невесты, я их родственница...

Хотя лица ее было не видать, но Юсуфу показалось, нет, он готов был биться об заклад, что при этом она слегка улыбнулась. Он отошел от окна, сел напротив нее на свободный стул у стола, посмотрел на свою судьбой предназначенную «коллегую» и испугался ее призывного взгляда. На него смотрели влажные, наполненные жизненным светом, два сводящих с ума голубых глаза, на него смотрела божественной красоты женщина.

«Боже мой, что она со мной делает», — подумал Юсуф и его ищущие карие глаза двинулись по ее шелковому бирюзовому платью вниз, к кромке подола, который до самых икронсжных мышц закрывал ее длинные загорелые ноги.

—А вы, молодец, — тихо, оценивающе сказала она, — все получилось здорово: весело, необычно красиво.., у нас раньше таких свадеб не было. Теперь, с вашей легкой руки, может и другие последуют... Кстати, меня зовут Гюльсеном, я работаю здесь медсестрой...

—Очень приятно, красивое у вас имя — «Нежный цветок», — любуясь ею, ответил Юсуф, а потом, улыбнувшись, добавил. — Вам спасибо, все старались...

—А где вы учились? — невольно вырвался у нее вопрос. — Говорят, где-то в Москве?..

—Да нет, — улыбнулся Юсуф в ответ, — окончил наш Дагестанский сельхозинститут, два года агрономом работал, а теперь... как видите...

—Что это мы все на «вы» да на «вы», — с улыбкой заметила Гюльсеном. — Не старики

небось?

—Я с удовольствием,—также улыбнувшись, ответил Юсуф и с восхищением взглянул на нее.

Но кроме веселого блеска в его глазах, она уловила что-то еще, отчего сердце ее забилось в радостном предчувствии, как в хмельном состоянии, когда между мужчиной и женщиной непонятно почему вдруг начинается происходить интенсивный обмен магнетическими импульсами, будоража кровь и волнуя сердце. Она даже не подозревала, что способна на такие эмоции, внезапный взрыв которых налетел на нее мощным ураганом и закружил с сумасшедшей силой.

«Мое сердце тоже тянется к тебе, «Нежный цветочек»,—тем временем говорил себе Юсуф,—я не могу отвести взгляда от твоего красивого лица, голубых, как небо, глаз и нежного стана»...

И забывшись на мгновение, Юсуф протянул руку к лежащей на столе изящной руке Гюльсенем, чтобы прижать ее к своим губам. Однако, опомнившись, вдруг стыдливо опустил голову и остановился на полпути. Нет, нет, он не должен идти на этот шаг, не имеет право дать волю своим чувствам, пронеслось у него в голове, он—иудей, а она—мусульманка⁹, это противоречит, соблюда-

⁹ Он—иудей, она—мусульманка,—по религиозным законам иудеев и мусульман женитьба или замужество между ними считается кошунством. У мусульман нарушение этого закона строго карается родственниками вплоть до убийства женщины и мести мужчине.

ёмым здесь религиозным законам и может вызвать бурю гнева и возмущения ее родных, они никогда не простят ее, да и его тоже... Нет! Юсуф судорожно глотнул, встал и отошел в сторону. Однако через минуту, забывшись, снова вернулся к столу и остановился как вкопанный.

«Трус! Чего испугался? — осуждало его сердце, а разум хладнокровно диктовал, — Остепенись, нельзя подвергать девушку опасности...»

«Ну, что же ты, милый? Что остановился? — говорил, тем временем, нежный взгляд Гюльсеном. — Разве ты не видишь, что я хочу твоего прикосновения?..»

Гюльсеном была потрясена, когда осознала, что она, считавшая себя сдержанной и умеющей владеть собой, вдруг оказалась не способной противостоять этому охватившему ее всю сильному чувству. Вместо всего этого она, глубоко вздохнув, спросила совсем о другом:

—Ты обратил внимание, что наши старики вначале были раздосадованы своим уединением, но потом, когда уходили со свадьбы, покидали ее с улыбкой удовлетворенности? Они, по-моему, приняли тебя...

Весь в напряжении от мучивших его сомнений и чувств, Юсуф обрадовался ее отвлеченному вопросу и, улыбнувшись, не сразу ответил:

—Что? А, да.., мы, если помнишь, все время оказывали им знаки внимания, не забывали о них. Вначале одному из аксакалов дали слово, в конце свадьбы другой тоже сказал тост, а потом даже пошел танцевать.

—О, это было так весело, когда он, отложив свой посох, и, забыв о возрасте, покрутил усы и пошел плясать...—вспомнив этот эпизод, Гюльсенем улыбнулась.

—Да, хорошо, когда люди радуются, улыбаются...—вспомнив о чем-то, с грустью произнес Юсуф и, опустив голову, добавил, —скоро должна была состояться свадьба и моего друга, да вот... его не стало...

—Как...—не поняла Гюльсенем,—умер?

—Погиб, в Афганистане... месяц назад получили известие...—с горечью ответил Юсуф,—а накануне я получил от него письмо...

—Да..а, печально, когда гибнут молодые... —тихо, с какой-то тайной болью произнесла Гюльсенем,—мне это ведомо... одни погибают, другие же возвращаются порой... живым трупом.

«Но я не об этом, милый,—снова, устремив на Юсуфа взгляд, говорили грустные и нежные, зовущие глаза Гюльсенем.—Забудь об этом, прошу тебя, у нас нет времени...»

«А ты думаешь я не вижу,—отвечали ей полные нежности и любви глаза Юсуфа.—Можем ли мы сейчас позволить себе это?»

В следующую минуту Юсуф оторвал от нее взгляд, широкими шагами направился к окну, устремил свой взор в ночную темень, будто там искал ответа на мучивший его вопрос, потом вплотную подошел к ней сзади, положил руки на ее изящные округлые плечи и нагнул к ней голову...

Ощутив на затылке его теплое дыхание, Гюльсенем замерла в ожидании, сердце ее

затрепетало в груди, как пойманная в силки птица, и в следующую секунду его тонкие губы, едва касаясь, двинулись по ее щеке, задержались на уголке ее рта. И ей показалось, что кроме этого мгновения на свете не существует ничего. Вся дрожа от разгоревшегося в ней желания, она ждала, представляя, каким будет его поцелуй!

О, аллах, что с ней творится? Она сошла с ума. Если сейчас, сию минуту, сюда кто-нибудь войдет и узнает о ее падении, ей не смыть этого позора никогда...

Но несмотря ни на что она ждала...

И вдруг волшебная тишина этой ночи была нарушена, раздался тихий стук, дверь новобрачных приоткрылась и протянутая рука жениха предложила платок...

Так и не поцеловав, Юсуф вдруг отпустил ее, отчего Гюльсеном испытала разочарование, взял у жениха платок и, раскрыв окно во двор, негромко позвал:

¹⁰ Стрельба в темную синеву неба и мчавшаяся к дому родителей вестники—обычно молодые люди, друзья жениха, сразу же по получении платка невинности отенге доставляют его родителям невесты, как доказательство ее невинности и начинают стрелять в небо. А родители невесты, хотя и уверены в чистоте своей дочери, все же радуются и во всеуслышание, чтобы в ауле узнали об этом как можно больше жителей, преподносят «молодым вестникам» всевозможные подарки. Бывают, правда очень редко, случаи, когда невеста оказывается не «невинной» и родители жениха, посадив ее на осла, лицом к хвосту, отправляют обратно к родителям, при этом музыканты играют «обратный марш».

—Ребята, где вы там..?

—Мы здесь,—тут же отозвался молодой голос,—давай, мы мигом.., — и протянул руку.

Юсуф передал ему платок, закрыл окно, виновато взглянул на Гюльсеном и тихо, с хрипотцой, произнес:

—Прости, дорогая, мне пора..,—и вышел из комнаты...

Потом были веселый шум, смех, стрельба в темную синеву неба и мчавшиеся к дому родителей невесты молодые вестники¹⁰. В обмен на платок и радостную весть они получают от благодарных родителей подарки и впридачу к ним: вино, шашлыки на шампурах, чуреки и другую закуску, чтобы продолжать до утра гулять, весело гогоча от волнующих воспоминаний...

Юсуф возвращался в город уже за полночь. В небе мерцали звезды. На яркие фары его машины удивленно уставилась сова, потом спохватилась и, взмахнув крыльями, сошла с дороги. Он был уверен, что от переполнивших его дум и воспоминаний, ему до утра не заснуть...

Через полгода, в середине осени, по зову истосковавшегося сердца, словно предчувствуя, что впереди его ждут еще большие испытания, Юсуф заправил свой издававший вилы «виллис» и поехал в Кулюкдере...

К этому времени он был уже не тот одухотворенный идеями юнец, не кукла в руках искусных кукловодов, а человек, открывший для себя великую истину, перевернувшую всю его жизнь, перечеркнувшую все во что он верил, что боготворил, чему преклонялся и

к чему стремился. Ему открылось вдруг, что война в Афганистане, кроме тяжелой обузы и многочисленных жертв, была бессмысленной и что его лучшего друга, как тысячи других, убил в этой бойне не тот, кто в него стрелял, а наоборот, кто послал его в это пекло.

«Ты знаешь, Юсуф,—писал ему друг в последнем письме,—на этой выжженной докрасна земле, среди хмурых гор, за одним из дувалов¹¹ завязался бой, где я смертельно ранил одного из главарей душманов. Приставив к его голове дуло автомата, я хотел было сделать последний выстрел, как вдруг, собрав весь запас своих жизненных сил, он открыл уже угасавшие глаза и тихо, на ломанном русском языке произнес,—«не торопись..»,—и, облизнув высохшие, безжизненные губы, добавил,—«я сейчас и так умру.., я бывал в твоей стране, учился там..», по его бледному, как спелая айва, лицу промелькнула тень улыбки,—«пойми... бандитами и душманами могут быть сотни, ну, одна-две тысячи..»,—он вдруг устало закрыл глаза и я подумал, что он умер, но через несколько секунд, словно придя в себя, продоолжил,—«ты же видишь, что мы... нас много, мы... народ, скоро вы и сами поймете, что революция Бабрака—обман, ваши воюют против большинства.., это ничего не даст, людей жалко, молодые гибнут..»,—и вдруг он вздрогнул, откинул голову на бок и умер.

Как ни странно, в правоте его слов я убеж-

¹¹ Дувал—забор дома в кишлаке, в ауле.

даюсь здесь постоянно и знаешь, Юсуф, о чем я думаю в эти дни? Может прав этот «душман», ведь на самом деле их тысячи и тысячи.., с кем же мы воюем, с народом? За что же гибнут наши парни? Ты напиши в наши верхи, может они не знают правды..?»

Юсуф знал и верил, что, написав эти строки, другом двигала не трусость, не страх за собственную жизнь, а нечто большее. И потому решил разобраться в этом сам, приложив немало усилий на поиски тех, кто в первые два года возвращался оттуда, в основном, увечными и калеками. С горечью вспоминал он потом о юноше, родители которого полгода не имели от сына вестей, а тот вдруг неожиданно, с костылем без одной ноги и огромным багровым шрамом на всю щеку, появился у порога своей квартиры. А ошеломленный отец, ухватив сына за рукав, лишился дара речи и упал, потеряв сознание.

Большинство из них старались избегать мыслей вслух, при разговоре с ним оглядывались—нет ли кого рядом, видно не раз предупреждались о пресловутой «бдительности и излишней болтливости». Однако беседа с каждым новым «свидетелем из афгана» приводила его к выводу, что друг писал ему правду. И потому, забыв об опасности, грозившей ему самому, Юсуф ринулся исполнить его последнюю волю.

В ЦК и в партийные газеты шли его наполненные убедительными фактами письма о бессмысленности этой войны, с верой и надеждой, что открывшаяся его другу и ему

самому правда, дойдет, наконец, до «верхов». Святая наивность! Ему было неведомо, что «верхи» не хотели знать и слышать об этой правде, не хотели, чтобы о ней узнали и другие. А человека, посмеявшего сказать о ней другим, решили проучить, вправить ему мозги. «Заблудшего» Юсуфа вызывали в большие кабинеты, старались «открыть» ему глаза, советовали неразумному отказаться от «бредовой» идеи. Однако Юсуф оставался непреклонным, наивно полагая, что его не поняли. Тогда его сняли сперва с работы, устроив шумный пленум-балаган, обвинив чуть ли не в предательстве, а потом исключили из партии. Из некогда всеми почитаемого, он превратился в отверженного, изгоя.

Вначале Юсуф думал, что это нелепая ошибка, что группа его недругов решила сыграть над ним злую шутку, что очернили его не те, кто «наверху» и, мол, истина до них так и не дошла, а все это дело рук чиновников «пониже». И поехал в столицу, однако, побывав в граде стольном, понял, наконец, что на самом деле растоптала и превратила его в отщепенца Молох—некая отлаженная система, которая затеяла эту нелепую войну, а теперь вынудила и его покинуть страну...

Все эти полгода Юсуф с благоговением вспоминал о той свадебной ночи и чудесной девушке из сказки, с яркими голубыми глазами, дивным станом и нежным доверчивым взглядом. Она запала ему в душу навсегда, заняла в его сердце особое место. Он не мог

простить себе того позорного бегства и это чувство вины не давало ему ни минуты покоя. Много раз Юсуф убеждал себя, что был тогда не прав, что именно поэтому поедет просить у нее прощения и скажет ей самые сокровенные слова любви, которые не говорил еще никому, что не мыслит жизни без нее, с ней связаны все его помыслы и надежды, что от выпавших на его долю болей и обид его спасало все эти месяцы лишь это всепоглощающее чувство, и, что, несмотря на все трудности на пути их брака, он женится на ней и увезет с собой.

И вот, окрыленный этими мыслями, Юсуф, накануне своей эмиграции, ехал в Кулок-дере.

Машина, натужно урча, медленно, с трудом одолевала подъем и шквальный встречный ветер. Справа осталась Гъэрэ тепе—местность, где в раскорячку росли неуклюжие дубки с сухими бежевыми листьями и навязчивые колючки—гъэрэтикан, где горная полынь даже сейчас, в конце осени, источало свой приторно-дурманящий запах, где уже в этот период собираются злющие метели и холодные ветры. Слева же, чуть впереди, в ущелье, где раньше был лесной массив, от которого сохранилось лишь название—Гурал меше, где до большой войны и после него прятались разбойники—гъэчэги, а теперь местные жители собирали боярышник да дикий кизил с мушмулой, а беспомощные двобавок еще и дрова—беш для растопки, Юсуф вдруг увидел укутанную в чадру старую женщину, которая еле пере-

двигая ноги, с трудом поднималась по склону вверх, к дороге, неся на спине большую вязанку дров. Не раздумывая, он остановил машину, вышел и бросился к ней на помощь, при этом неожиданно подскользнулся, упал и вымазался в придорожной грязи. Однако, не обращая на это внимания, подал ей руку, чтобы той легче было преодолеть подъем, а потом, сняв с ее хрупких плеч тяжелую ношу, усадил рядом с собой в машину, а дрова уложил в багажник.

Лица женщины за чадром было не видать.

—Что же вы, бабушка, в такую стужу за дровами?—с сочувствием спросил ее Юсуф. —Неужто помощников нет?

—Нет..,—как-то отрешенно ответила она.

—Как?—не понял Юсуф.—А дети?

—И детей нет..,—бойко, удивительно молодым голосом ответила старушка и неожиданно добавила,—и в этом виноват ты...

Сперва Юсуф не понял ее слов, потом же, осознав их смысл, остановил машину, повернулся к ней всем корпусом и неожиданно спросил:

—Как..?

—На этот вопрос я отвечу тебе позднее..,—она скинула с лица край чадры и на Юсуфа глянули до боли знакомые милые голубые глаза.

—Боже мой, Гюльсеном, ты..?—Юсуф, не веря своим глазам, зачарованно разглядывал ее, будто видел впервые.—В такую погоду.., ты же заболеть можешь...

—Со мной ничего не будет, я привычная.., а вот тебе нужна помощь, ты весь в грязи,—

заявила она решительно и тут же добавила, — видишь, вон там, справа, небольшая постройка, подъезжай к ней с задней стороны, — она указала рукой, — там машину совсем не будет видно с дороги...

— Что это за постройка? — невольно вырвалось у него, когда он подъехал к указанному месту. — Небось здесь и воды нет..?

— Вода есть, да еще какая, лечебная, — успокоила его Гюльсенем. — Вон, погляди, в ста метрах от нас родник бьет, Исты булагом¹² зовется, принять ванны летом сюда стекается много народу... А постройка, так это маленький теплый домик на нашем бустане¹³. Он из рваного горного камня и глины. В свое время, когда жив был отец, построил для укрытия от здешних ветров, он часто приходил сюда отдыхать. Теперь, как видишь, я хожу... и дрова несла сюда. Вот мы и доехали, — добавила она и подошла к двери.

— Заходи смелее, там никого нет, — весело пошутила хозяйка и пропустила его вперед.

Опустив голову, Юсуф и Гюльсенем зашли в побеленную известью чистую прихожую. Справа топилась, встроенная в стену и сложенная из кирпичей, печь, на которой грелись ведро с водой и чайник. В центре же, на низкой деревянной подставке стояла ведро на десять-пятнадцать, уже наполовину заполненная водой, дубовая лохань, из которой дымкой струился пар. Слева — стол с двумя табуретками и старый шкаф с замыс-

¹² Исты булаг — теплый родник.

¹³ Бустан — огород.

ловатой посудой за одной из створок. Напротив была занавешанная дверь в другую комнату.

—Та-а-к.., — остановилась она в центре прихожей,—прежде всего сними, пожалуйста, куртку и ботинки, я их почищу.—И когда Юсуф передал ей куртку и обувь, Гюльсенем ахнула.—Да они же сплошь в липкой грязи! Нет, ничего не выйдет, вначале их надо высушить...—и она повесила куртку на гвоздь у печи.

—А дальше? — улыбнувшись, спросил Юсуф.

—А дальше.., садись за стол, я тебя чаем угощу,—но, заметив нерешительность Юсуфа, разглядывавшего свои брюки, подошла ближе,—да, придется и брюки снять, они тоже заляпаны глиной, у нас тут кругом глина..,—она открыла створку шкафа, взяла с полки ношенные брюки от спортивного костюма и протянула ему,—на, переоденься, они чистые, отцовские...

При этом случайное прикосновение рук обожгло обеих и их взгляды встретились.

«Любимый мой, как я рада, что ты здесь, —говорили ее милые нежные, полные откровенного желания, глаза.—Тебя всевышний послал...»

«Да, так и есть, любимая,—будто читая ее мысли, отвечал ей молчаливый взгляд Юсуфа,—меня привела сюда судьба...»

—После твоего... бегства, в ночь свадьбы, —не скрывая своей радости, разливая чай, говорила, улыбаясь, Гюльсенем,—я несколько раз была в городе, была и у тебя, в рай-

коме комсомола, искала встречи.., однажды даже увидела невдалеке, но подойти не решилась, что-то сковывало, думала, может ты не захочешь...

—Да что ты.., — любуясь ею, ответил Юсуф,—я был бы очень рад и счастлив... Я не раз вспоминал тебя...

—А что творилось со мной.., я не находила себе места, почему ты так стремительно уехал тогда, что я сделала или сказала не так... Ты часто снился мне.., стыдно признаться, ночью просыпалась вся в поту, а ты.. исчез. Да, Юсуф, мои мысли и душа томятся в плену..,—запинаясь, словно на исповеди, говорила Гюльсенем.

—Я бы давно приехал, дорогая.., я должен был тебе во многом признаться.., да у меня такое началось.., ты, наверное, не знаешь..,—Юсуф опустил голову.

—Знаю, Юсуф, все знаю..,—с грустью ответила Гюльсенем,—так мог поступить только мужественный человек, поверь, я горжусь тобой,—она ненадолго задумалась и продолжила. — У нас правды боятся, как заразы, и на этом пленуме, подсики, так все преподнесли, я читала в газете, будто ты диссидент, чуть ли не предатель.., если бы я тебя и о твоей правоте не знала, и я могла бы не понять...

—Правда..?—Юсуф с удивлением взглянул на нее.—Я что-то ничего не пойму...

—Я ведь знаю обо всем этом не понаслышке..,—она в задумчивости опустила голову.—Теперь я отвечу на все твои вопросы, Юсуф. Помнишь, в ту ночь свадьбы ты рас-

сказал мне о своем друге, который погиб в Афганистане? Небось забыл что я тогда тебе ответила..?

—Поверь, не помню, прости..,—искренне ответил Юсуф.

—Я уже тогда ответила на твой молчаливый вопрос, как, мол, я, молодая женщина, оказалась енге, вместо женщины многоопытной... Увидев тебя, я сама напросилась на эту роль.., а на твою печальную весть о друге ответила, что мне это ведомо, мол, одни погибают, другие же возвращаются живым трупом...

—Да, я вспомнил...

—Так вот, живым трупом с войны в Афганистане вернулся мой муж...

—Боже мой, Гюльсеном..,—удивленный Юсуф—вскочил со своего места и схватил ее за руку.—Прости меня, я не знал... Как же это случилось?

—Вернулся он с этой войны чуть больше года назад с ранением в позвоночник. Как оказалось, пуля чудом застряла между двумя позвонками, готовая в любой момент разорвать жизненную нить и лишить его не только движения, но и самой жизни. Видно еще в госпитале врачи, раскрыв рану, не решились лезть дальше, и дабы не навредить еще больше, отправили его домой в надежде, что он не будет делать резких движений, а значит, будет продолжать жить. Его об этом строго настрого предупредили. Но он, к сожалению, серьезности своего состояния или не понял, или не придавал должного значения, никому из домашних ничего не сказал,

— Она ненадолго задумалась, а потом продолжила, — видно, надеялся на свой организм... А с замужеством..., что тебе говорить, ты сам знаешь, как у нас это бывает, после десятилетки, не попав в мединститут, я окончила медучилище и, поскольку мы из одного аула, родители, ничего не подозревая, год назад, сразу после его демобилизации, выдали меня за него замуж... А через неделю после нашей свадьбы, поднявшись утром, он пошел рубить дрова и с криком, будто в него выстрелили, упал на землю, и все это время лежит без движения..., исхудал, кожа да кости...

— Значит, до нашей встречи на свадьбе ты уже полгода была замужем? — удивился Юсуф, — а я считал тебя незамужней...

— О моих страданиях я никому не рассказывала, чего говорить, если никто помочь не может... Вот так, через неделю после замужества я без отца и матери, они умерли два года назад, оказалась и не замужней, и не вдовой... Правда, в последнее время, когда по моему настоянию из города стали часто приезжать врачи, людям все стало известно, в маленьком ауле от них ничего не скроешь..., — с печалью в голосе говорила Гюльселем.

— И что теперь говорят врачи? — с участием спросил Юсуф. — Неужто ничего нельзя сделать?..

— Куда там..., в последний раз комиссия в составе лучших врачей республики заявила мне без утайки, как медработнику, что дни его сочтены, максимум два-три месяца...,

сейчас он у своих родителей, они попросили взять его к себе..,—печально заключила она.

Услышав такой ответ и этот печальный рассказ, Юсуф поразился ее мужеству, выпавшим на ее долю испытаниям и горестной безысходности.

—Да..а.., — в раздумьи протянул Юсуф и с горькой иронией добавил,—выходит от прикосновения с этой войной пострадал не только я, но и ты...

—Выходит, хотя нам легче, мы живы..,—ответила она и, спохватившись, добавила,—теперь, когда ты, дорогой мой человек, все обо мне знаешь, нам прятаться друг от друга незачем. Прошу тебя, пойди разденься и лезь в лохань, искупайся, а то вода остывает. Я же почищу твою одежду...

—Мой «Нежный цветочек»,—смущенно ответил Юсуф и, взяв ее ласково за плечи, добавил.—Я так не могу, родная...

Гюльсеном нежно обняла его за шею, придвинулась к нему ближе, раскрыла губы навстречу его губам и всем своим переболевшим сердцем почувствовала, что никогда еще никого так не любила, никогда ни в ком так отчаянно не нуждалась, как в нем. Ее страсть удивила Юсуфа, он еще раз убедился, что огонь между ними не гас все эти полгода их разлуки. Настойчивость ее мягких губ, прикасающихся к его рту и лицу, наполняли его таким жаром, что он не чувствовал в себе силы оттолкнуть ее. Он лишний раз убедился, что это его судьба.

Без колебания он разделся и залез в воду...

—Потом и я искупаюсь,—ласково сказала она, забрала его одежду и отошла.

Через несколько минут, услышав зов, она подала ему чистую простыню и отослала в другую комнату.

—Иди, милый, я сейчас...

Вылив в лохань еще одно ведро горячей воды, она разделась и опустилась в воду...

В комнату она вошла совсем нагая и в нерешительности остановилась у застланного чистым бельем топчана. Юсуф, зачарованный ее красотой, тут же поднялся, взял ее на руки и, когда она обвила его шею ласковыми руками, весь затрепетал, мягко положил ее на постель и, как голодный, стал целовать и целовать сладкие губы, нежную шею и не в силах больше ждать, лег рядом с ней и крепко сжал в объятиях.

—Мой «Нежный цветочек»... — застонал он.—Ты же видишь, что я не сумею остановиться...

—А я и не хочу, любимый...—пробормотала она, отвечая на его ласки.

При виде ее чарующей наготы в тусклом свете лампы у него перехватило дыхание.

—Ты еще красивее, чем мне казалось вначале,—проговорил он, опуская голову, чтобы поцеловать шелковистую кожу на ее груди.—Ты должна уехать со мной, слышишь, ты мне нужна...—прошептал он ей на ухо.

Оставив его просьбу без ответа, Гюльсеном запустила пальцы в его густые каштановые волосы и нежно промолвила:

—Знаешь, милый, я так мечтала быть с тобой... как сейчас..., оставь себя во мне...

—И я...—хрипло произнес он, придавливая ее своим весом и снова ища ее губы...

В полночь, покидая ее, Юсуф с щемящей болью взглянул на грустные любимые глаза и в который раз с мольбой произнес:

—Прошу тебя, любимая, поедem со мной, я тебя подожду столько, сколько надо...

—Нет, милый, это невозможно...—непреклонно ответила она.—Я очень люблю тебя, но, прости, на это пойти не могу...

В следующий миг, словно по волшебству, в маленькое окно этой памятной комнаты неожиданно заглянула истосковавшаяся по любви, бледнолицая луна и осветила его, прижавшего любимую к своему трепещущему телу, и ее, босоногую, в белой ночной сорочке и веером распушенной черной косой, крепко обнявшей его за шею и тихо, как молитву, нашептывающей: «И да сохранит тебя аллах!»

И в этой звенящей тишине ему показалось вдруг, что где-то рядом, совсем близко, звучит музыка.

Что это?—пронеслось в его затуманенной голове.—Может это ветер воет в ночи? Или это песня их ноющих в прощании сердец? А может это полонез любви?..

* * *

Четыре месяца спустя, как и предсказывали врачи, муж ее умер—афганский Молох унес очередную жертву. Оставив аул, Гюльсеном устроилась на работу в городской больнице. Я видел ее недавно, державшую за руку четырехлетнего мальчугана с такими же, как у матери, голубыми глазами,

высоким, не по возрасту, лбом и волнистыми каштановыми волосами, невольно вернувшими меня к истории пятилетней давности.

И, верится, что, несмотря на все удары судьбы, эта мужественная женщина не согнется, выстоит, вырастит своего первенца настоящим человеком и свое счастье в жизни непременно найдет...

ПУТИ ГОСПОДНИ...

Звонков с утра было немало, но этот почему-то встревожил его необычно, словно какая-то неведомая сила, неожиданно вселившись в него, хотела предупредить об опасности.

— Артур Саламович? — спросил с волнением знакомый голос.

— Да, слушаю...

— Артур Саламович, дорогой, это Мусаев говорит, не знаю даже как сообщить вам...

— А что случилось, Магомед Султанович? — встревожился Артур, вспомнив, что Мусаев был директором винзавода, где пятый год после пенсии отец работал его заместителем по коммерции.

— Дело в том, что к нам пришла телеграмма из Комсомольска на Амуре... С отцом вашим случилось... несчастье.

Артур съезжился, словно его пробрал озноб. Не обмануло его предчувствие, видно, и черный ворон — предвестник беды, пролетая утром над головой, своим неприятным гортанным криком извещал его об этом.

Эх, отец, отец, уж сколько раз было разговоров бросить эту работу, что подобные дальние поездки не для его возраста. Ему, прошедшему войну и испытавшему немало лиха, надо бы отдохнуть, а нет, его все несла и несла какая-то неумная сила.. Артур вспомнил, как накануне отъезда, в связи с полученной рекламацией на отправленную продукцию, отец, на уговоры не ехать само-

му, а отправить кого-нибудь из подчинённых, полушутя заметил:

—Что ты, сын, меня раньше времени в старики зачислил? Я еще полон сил и бросать работу не намерен.

—Не в этом дело, отец, не по душе мне эти поездки. Говорят, там полно шпаны всякой, преступников, а к нашим кавказцам так вообще предвзятое отношение, чего в петлю-то лезть?

—Я всю войну прошел, за себя постоять сумею. А народ везде одинаковый, причем хороших людей значительно больше, чем плохих, так что, не волнуйся.,—потом, подумав недолго, неожиданно добавил,—впрочем, кто его знает, сын, пути господни неисповедимы, из Дагестана дорога длинная, если случится что, не оставишь там?—пристально посмотрев на сына, спросил он.

—О чем ты говоришь, отец? Что это тебя потянуло вдруг? Не думай об этом,—внутренне разволновался Артур, но, своего волнения не выдав, тихо добавил,—все будет хорошо...

Так они и расстались в предчувствии какой-то неясной и необъяснимой тревоги.

После сведений об имени, отчестве, фамилии доставленного в тяжелом состоянии пострадавшего, в телеграмме сообщались лишь номер больницы и фамилия главного врача, а в конце текста имелась еще одна, не оставлявшая никаких надежд, строчка, что вчера, после двух суток пребывания в больнице, пострадавший скончался».

И все, никаких объяснений. Что произош-

лю, от чего он пострадал и при каких обстоятельствах, каким образом и кто доставил его в больницу, ни на один из этих мучительных вопросов в телеграмме ответа не было.

Матери, жене и другим родственникам пока ничего сообщать не надо, решил Артур, не распространяться о телеграмме попросил он и Магомеда Султановича, директора винзавода. Все еще теплилась надежда, что случилась нелепая ошибка, непредсказуемая путаница. Могло же быть такое, успокаивал он себя, что кто-то украл у него документы и несчастье произошло не с отцом, а с вором, отец же о пропаже сообщить не успел... Или в каких-то экстремальных ситуациях, в какие отец не раз попадал, он, чтобы спасти человека от лютого холода, накинул ему на плечи свой пиджак с паспортом, а тот потом попал в больницу и там умер.

Артур был готов поверить в любое чудо, чтобы уйти от трагической мысли об отце. И потому на вопрос жены, куда, мол, он так спешно уезжает, решил солгать, что улетает в Москву, в командировку.

Уже в аэропорту Махачкалы, перед самым вылетом в Москву, он подробно изучил расписание движения самолетов и с учетом разницы во времени пришел к заключению, что если ему удастся перелетать из одного города в другой строго по расписанию, то через сутки он будет в Комсомольске. И хотя был он не особенно верующим, все же мысленно попросил помощи у аллаха и сел

в самолет...

Аэровокзал Хабаровска был набит битком. У касс на западное направление стояли длинные очереди, они были настолько велики, что огромное здание вокзала не могло вместить их внутри себя, поэтому хвост очередей тянулся за высокие и широкие двухстворчатые двери на привокзальную площадь. Широленные скамейки, расставленные в зале, не могли вместить всех ожидавших вылета пассажиров, поэтому сотни из них: женщины, дети и старики сидели и лежали на чемоданах, больших, забитых постелью и прочими вещами, мешках, саквояжах, тюках и корзинах. Толчея и гомон были столь невероятно велики, что найти друг друга или услышать сведения справочного отдела было нелегко.

Неожиданно в самом центре этого гама, рядом с Артуром, раздался истошный женский крик:

—Помогите! Украл, подлец! Вот он, вор! —она крепко держала за подол рубашки старавшегося вырваться из ее цепкой руки парнишку лет четырнадцати.

А тот, в свою очередь, держа в одной руке украденную сумочку, развернулся и ударил ее в лицо.

—Ой, убил!—снова закричала женщина, однако хватки своей не расслабила.

Не думая о последствиях, Артур схватил парнишку—вора за шиворот и помог женщине расслабиться.

Невесть откуда-то появился и милиционер, взяв вора за руку, он ловко закинул ее

ему за спину и надел наручники, а затем повел в привокзальное отделение. А женщина рысцой бежала за милиционером и причитала:

—Ой, спасибочки, дай-то бог тебе здоровья!

Навстречу Артуру шел пьяный, с красным лицом, крупный мужчина лет сорока пяти. Шатающейся походкой, он вплотную приблизился к Артуру и, дыхнув перегаром, заплетающимся языком проговорил:

—Зак..курить дай!

Артур отрицательно покачал головой, мол, не курит. Однако подобный жест почему-то возмутил пьяного и он, показав ему с куладу кулак, оскорбительно произнес:

—Ах, ты, чер..но..жо.., з..здо..ровье бере..жешь?..

—Дай ему разок по морде, так здоровье его сразу и пошатнется, ха..ха..ха..!—нахально посмеялся подоспевший к пьяному дружок.

Неробкого десятка Артур готов был тут же взорваться и дать этому наглецу по пьяной роже, однако здравый смысл подсказал ему, что этого делать в данной ситуации нельзя.

«Вот они, «цветочки»..,—подумал Артур и благоразумно, не дожидаясь «плодов», быстро отошел в сторону.—И сюда, на свою погибель, рвался отец...»

Затем пробившись сквозь толпу, он подошел к совершенно свободной билетной кассе на Комсомольск. С момента выезда из дома до этой последней минуты, вдобавок к напряжению, у него не было во рту даже

маковой росинки и потому, перед последним шагом к цели, он почувствовал себя невероятно усталым.

По местному времени было 6 часов утра.

Заглянув в окошко кассира, Артур утомленным голосом спросил:

—Вы можете дать мне билет на шесть тридцать на Комсомольск?

По бледному, истомленному виду пассажира (чему удивляться, если к этому времени Артур совершил уже два перелета: из Махачкалы в Москву, а оттуда до Хабаровска) кассир, пожилой мужчина с орденскими планками на груди, предположил, что с ним произошла какая-то драма и потому сочувственно спросил:

—Что с вами, молодой человек, что-нибудь случилось?

—Да, с отцом, он... умер в Комсомольске...

—Откуда вы?

—Из Дагестана...

—Что делается, черт возьми... Билет я вам дам, но как вы полетите обратно... с трупом?

«Дай бог, что бы это был не он..» — эгоистично подумал Артур, а вслух сказал:

—Спасибо вам, но я об этом пока не думал...

—Очереди видите какие? И все на Москву, четвертый день люди не могут улететь, без боли на них смотреть невозможно.., — сокрущенно говорил кассир.

—А что случилось, почему такая толчея?

—с удивлением спросил Артур, принимая у него билет.

—Да черт его знает, что происходит,—удрученно ответил кассир,—то горячего не доставили вовремя, то почему-то самолетов не хватает, чего раньше никогда не было, а время-то отпускное, конец весны.., вот и мучается народ, однако я не о том, сынок,—спохватившись, неожиданно сказал он,—вы мне вот о чем скажите, вам двенадцати часов хватит, чтобы вернуться из Комсомольска обратно?

—Кто его знает,—неуверенно ответил Артур, — почему это вас интересует?

—Я, мил человек, помочь тебе хочу. Дело в том, что через час я сменяюсь, а у моей подруги, из соседней кассы, есть броня на билет на вечерний самолет на Москву, если успеете вернуться сегодня к 19 часам, то я вам ее отдам и вы улетите без задержки.

—Спасибо вам... Я, конечно, буду стараться, но вдруг не удастся и эта броня, которая пригодилась бы другому, пропадет...

—Нет, нет, она вам нужнее.., подождите минуту,—мужчина встал со своего места и, хромая, вышел из кассы, чтобы через пару минут, также тяжело передвигая протезом, вернуться обратно,—вот, возьмите—он протянул Артуру небольшой голубой листок бумаги,—желаю вам удачи... хотя бы в этом.

—Спасибо вам,—взяв броню, сказал Артур и, подумав, что кассир отдал ему этот листок не просто за спасибо, добавил,—что я должен за это?

—Да вы что, молодой человек?!—возмутился кассир.—Совестью не торгую!

—Извините, пожалуйста,—стыдливо опу-

тив глаза, сказал Артур.—Спасибо вам!

«Спасибо и за урок» —мысленно поблагодарил он кассира, видно, бывшего солдата.— Один из-за сигареты хотел мне, кавказцу, в «морду» дать, а другой—проявил чувство такой доброты и благородства, которое невольно вызывает восхищение. Может быть прав был отец, когда говорил, что «народ везде одинаковый» и в нем есть разные люди: высокой, чистой пробы и отвратительное дерьмо. Но тогда, что с тобой приключилось, отец, дорогой, какой негодяй, изувер посягнул на твою жизнь?»

Эти мысли не давали ему покоя во все время полета. Через час АНнушка доставила Артура в Комсомольск. С первых же минут пребывания в городе ему опять не повезло, какой-то водитель, словно липучка, не отходил от него с самого выхода из здания аэровокзала, назойливо предлагая свои услуги.

—Пожалуйста, дарагой,—на манер кавказца говорил он Артуру,—павезу куда надо и не дарого возьму...

Не только здесь, на краю света, в незнакомом городе, но даже будучи в Москве или в Ленинграде, он считал, что кроме такси и служебной машины, никакой другой пользоваться нельзя и этого принципа придерживался всегда. Поэтому навязчивость водителя частной автомашины настолько надоела ему, что он не знал как от него избавиться. Спасительной оказалась машина «скорой помощи», которая так кстати стояла на при вокзальной площади. Не раздумывая, он оторвался от навязчивого частника и подо-

шел к водителю.

—Ах, ты, сука!—забыв о своем маскарадном произношении, выругался частник и, показав кулак, пригрозил.—Я бы тебя довез... до места...

Артур, не обращая внимания на его угрозы, спросил водителя «скорой помощи» о нужной ему больнице.

—Так эта же наша больница,—сразу ответил водитель,—мы как раз едем туда, если заплатишь, довезу, только дождемся нашего бухгалтера, это быстро...

Артур согласился и уже через полчаса был доставлен в больницу. Водитель же подвел его к кабинету главного врача и с улыбкой сказал:

—Зовут его Такс...

—Это что, имя такое?—не понял Артур.

—Сами поймете...—ответил он и удалился.

«О, аллах!—молился про себя Артур.—Пусть это будет не мой отец! Сделай так, чтобы смерть миновала его и он был жив и здоров, чтобы мой приезд был для него сюрпризом!» И постучал.

—Да! — отозвался на стук женский голос.—Заходите...

В кабинете сидели двое: мужчина и девушка.

Артур представился.

—Так-с, вы его сын, значит?—высокий седой мужчина в белом халате встал и протянул Артуру руку.—Так-с, вначале, я думаю, вы хотите взглянуть на него?

—Да, конечно,—глухо ответил Артур.

—Так-с, правильно, а потом поговорим...

пошли,—он вышел из-за стола и направился к двери.

Во дворе больницы стоял небольшой флигелек—это был морг. Артур съежился от предстоящей процедуры, вспомнив вдруг, как однажды по неосторожности придавив цыпленка, он целый день чувствовал себя не в своей тарелке. Здесь же предстояло увидеть мертвого отца.

Какой-то высокий тощий молодой мужчина, с довольно неприятным хмурым лицом,, открыл железную дверь и ввел их внутрь. На трех оцинкованных столах лежали голые тела. Седую шевелюру отца он узнал уже с порога и от охватившего ужаса сердце его сжалось. Артур пошатнулся и чуть не потерял сознание.

Взяв его за локоть, главный врач тихо сказал:

—Так-с, держись, друг..,—и подвел ближе к труп.

Бледное лицо, заостренный нос с горбинкой и впалые закрытые глаза. Да, сомнений быть не могло, это был отец.

—Так-с, это он?—спросил главный врач.

—Да, — тихо, с глухотой, будто у него что-то застряло в горле, ответил Артур.

—Так-с, он умер вчера, в реанимации,—сказал главный врач,—в сознание не приходил двое суток. Получив вашу телеграмму, я пошел сказать ему о вашем приезде, а он, будто только этого и ждал: вытянулся, лицо покрылось желтизной, нос заострился и умер...

—Бедный отец..,—у Артура невольно по-

текли слезы,—он ждал меня...

—Так-с, что будем делать? — не сумев скрыть своего волнения, спросил главврач.

—Заберу домой,—без раздумий ответил Артур,—только прошу вас рассказать, как он у вас оказался?

—Так-с, пойдем ко мне в кабинет,—сказал он Артуру, а открывавшему морг неприятному, хмурому типу приказал,—так-с, можете этому человеку подготовить труп к долгому перелету...

—Только прошу вас, пока ничего не делайте,—взяв себя в руки, попросил Артур «хмурого», как он прозвал его про себя, — несколько часов я займусь изготовлением гроба и других необходимых принадлежностей, ждите меня, у нас с вами будет небольшая работа, я вас за все отблагодарю...

—Если так, сделаю все по высшему классу, — осклабился «хмурый»,—я здесь рядом,—и он показал на деревянный сруб во дворе больницы...

—Так-с, вот его документы,—сказал главный врач в кабинете и протянул Артуру паспорт и военный билет отца,—вот справка о смерти, ее не теряйте, иначе гроб в самолет не примут...

—Спасибо, но...—Артур ждал.

—Так-с, привезли его в бессознательном состоянии, с черепной травмой...,—главный врач ненадолго задумался,—так-с, однако причиной смерти стала не травма, а переохлаждение организма...

—Как?—не понял Артур.—Как это произошло?

—Так-с, доставили его рабочие портовой разгрузочной платформы местного вино-водочного завода вместе со следователем, который стал заниматься расследованием этого нелепого происшествия...

—Что вы имеет ввиду?—снова не понял Артур.

—Так-с, дело в том, что в порту работают три крана: один большой, башенный и два передвижных. Как мне объяснил следователь, у передвижного крана один из четырех маленьких крюков оказался треснутым, о чем крановщик предупреждал руководство завода еще раньше, а те, как всегда мимо ушей, мать их...—главврач невнятно выругался и взволнованно добавил,—так-с, поднял кран груз и тут этот злосчастный крюк разломился и осколок от него полетел в сторону стоявшего спиной к крану вашего отца и прямо ему в затылок...

—О, аллах! Какая нелепая случайность..., —Артур опустил голову и закрыл ладонями лицо...

—Так-с, может быть, учитывая крепкое здоровье, его удалось бы спасти, если бы тут же нашли, но он от удара упал, видно, не сразу, а метра два, шатаясь, двигался и незаметно свалился под платформу... Нашли его утром следующего дня, промезшего.. ночи у нас здесь в это время холодные, вот это и послужило, главным образом, причиной его смерти, случайность..,—закончил этот печальный рассказ главврач, по всему было видать, человек душевный и добрый.

—Да, случайность, роковая...—глухо про-

говóрил Артур,—видно судьба несла его сюда... Теперь уже надо думать, как быстро забрать его домой... Скажите, доктор, что нужно для этого?

—Так-с, из опыта знаю, необходимо изготовить обычный гроб, затем обшить его цинком и все это положить в крытый ящик, —ответил главный врач.

—И где это можно заказать?

—Так-с, обычно все это изготавливают в мастерских нашего РСУ, но у вас возникнут проблемы с цинковым листом, поскольку, как мне известно, его в настоящее время там нет, недавно я сам с этим столкнулся.,—доктор ненадолго задумался, а потом добавил.—Так-с, на все ваши дела, как мне думается, при благоприятных обстоятельствах понадобится не менее трех суток, поэтому труп необходимо подготовить к длительной перевозке...

—А если мне удастся изготовить все это в течение дня, до вечера?—спросил Артур.

—Так-с, если вам это удастся, чем черт не шутит, то достаточно нескольких уколов формалина.,—доктор посмотрел на Артура долгим, изучающим взглядом.—Так-с, вам надо и о себе подумать, на вас лица нет...

—Спасибо, доктор, со мной ничего не будет,—поблагодарил его Артур и, вспомнив о чем-то, неожиданно спросил.—Вы не знаете, где находится горфинотдел?

—Так-с, знаю, конечно,—тут же отозвался главный врач,—в здании горисполкома, на улице Ленина, это недалеко отсюда...

Артур поблагодарил этого благородного

человека и вышел на улицу. Водитель такси, молодой человек, которого он остановил у самой больницы, посадив его рядом с собой, с улыбкой спросил:

— У Такса были?

— А.., да,—не сразу сообразив, ответил Артур.

— Добрейший человек, весь город его любит...

— К зданию горисполкома, пожалуйста,—попросил водителя Артур.

— Это здесь, недалеко, я вас мигом доведу,—заметил жизнерадостный водитель.

— Скажите, пожалуйста, — неожиданно спросил водителя Артур,—сколько зарабатываете вы за смену?

— Что вы имеете в виду? — удивленно спросил он.

— Как бы вам это объяснить.., какова сумма вашего сменного плана и чаевых вместе?

— А, понял,—кивнул головой водитель,—примерно сто-сто двадцать пять рублей, вот мы и доехали...

— Когда кончается ваша смена?

— Я что-то вас не пойму,—на этот раз парень удивился всерьез.—Вы можете сказать открытым текстом?

— Ответьте мне, пожалуйста, и я вам все объясню, — дружелюбно сказал Артур.

— В восемь вечера, я только что вышел в рейс...

— В таком случае, я заплачу вам не сто двадцать пять, а двести рублей, только попрошу все это время быть со мной, можно так?

—Сразу бы так и сказали,—обрадовался водитель,—конечно, можно, это меня вполне устраивает...

—Вот и хорошо,—удовлетворенно ответил Артур и, выйдя из машины, добавил,—я скоро вернусь, ждите меня, пожалуйста.

—Не волнуйтесь, я человек слова,—твердо пообещал молодой человек.

Кабинет заведующего городским финансовым отделом искать пришлось недолго. Артур постучал и, услышав приглашение, вошел.

—Здравствуйте, извините, пожалуйста,—заговорил он с надеждой,—я к вам за помощью...

—Кто вы?—уивленно спросила заведующая, женщина лет тридцати пяти.

—Я—ваш коллега, из Дагестана,—ответил Артур,—без вашей помощи мне просто не обойтись..., простите, как вас зовут?

—Антонина Васильевна, но все же, что вам нужно?—испытываяще, разглядывая его, спросила заведующая.

—Дело в том, что здесь, в больнице, умер мой отец...

Женщина тихо вскрикнула.

—И чтобы увезти его труп мне необходимо изготовить сегодня два гроба: обычный деревянный и цинковый, а также ящик для погрузки всего этого в самолет, как груз...

—Вам нужны деньги? — непонимающе спросила заведующая финансовым отделом.

—Нет, Антонина Васильевна,—деньги у меня есть,—ответил Артур,—мне нужны, как мне сказали. четыре больших или во-

сёмь малых листов цинкового железа, а оно сейчас в дефиците...

—Ну и что, какое я имею к этому отношение?—снова удивилась заведующая.

—Дело в том, что я здесь никого не знаю... За материалы для гроба готов уплатить любую сумму. Мне сказали, что они есть в городском РСУ, но там мою просьбу могут исполнить, но могут и отказать, а это чревато для меня длительным пребыванием здесь, как вы понимаете, с трупом... Поэтому я к вам и обратился, Антонина Васильевна, другого выхода я не нашел...—всю эту тираду Артур произнес одним духом и остановился в ожидании ответа—приговора.

Трудно сказать, что подействовало на нее: то ли трагичность ситуации, то ли она прочитала на его бледном уставом челе следы болезненного отчаяния, то ли чувство коллегиальной солидарности, но Антонина Васильевна все же решила помочь Артуру, если убедится, что он действительно ее коллега.

—У вас есть удостоверение о профессиональной деятельности?—спросила она.

Артур удрученно развел руками.

—Нет, я как-то не догадался, что оно мне понадобится...

—Ну, хорошо, из каких частей состоит бюджет?—решила она испытать Артура.

—Из двух: доходной и расходной, ну, прямо как на экзамене на Торжековской, в Ленинграде...

—Господи!—вдруг воскликнула заведующая.—Вспомнила..., вы же Артур?

—Да, Артур,—он залез в карман куртки, вытащил свой паспорт и положил ей на стол,—вот, посмотрите, это мой паспорт...

Антонина Васильевна встала со своего места и, выйдя из-за стола, подошла к Артуру и посмотрела ему в глаза:

—А ты, Артур Саламович, не узнал меня.. Тоню из Хабаровска..?

—О, аллах, Тоня, я никак не предполагал встретить тебя в Комсомольске, прости меня...

—Я тоже хороша.., не узнала тебя..,—и вдруг, спохватившись, спросила,—чтс с отцом случилось, неужто уби...

—Нет, Тоня, нелепая случайность.., — и Артур вкратце рассказал ей о постигшей его беде.—Кстати, который час по местному времени? Мне надо торопиться...

—Скоро девять. Ты на машине?

—Да, такси ждет на улице.

—В таком случае, поехали, однако подожди, я позвоню начальнику РСУ,—она быстро набрала номер телефона.—Сергей Андреевич? Сердюкова говорит, я сейчас буду у тебя, жди, пожалуйста...

Через несколько минут таксист привез их на базу ремонтно-строительного управления.

—Антонина Васильевна, что случилось?—встретил ее озадаченный начальник.

—Для долгих разговоров времени нет, Сережа, этот товарищ,—она показала на стоящего рядом Артура,—мой коллега из Дагестана, у него здесь умер отец, ему надо изготовить хороший деревянный гроб, вот размеры,—она передала ему листок бумаги,—по-

том вложить его в оцинкованный и все это положить в ящик для перевозки на самолете...

—Понятно,—согласно кивнул Сергей Андреевич, — сейчас я вызову бригадира,—и кликнул кого-то,—Дмитрий Митрофанович, пойди-ка сюда...

На зов к начальнику подошел среднего роста плотный, небритый мужчина неопределенного возраста, в робе и с ящиком в руках:

—Кликал, Андреич?

—Да, вот что, Дмитрий Митрофанович..., —и начальник в нескольких словах рассказал бригадиру что надо сделать.

—Цинкового железа, ты знаешь, у нас больше месяца нет, а остальное... посмотрим...

—А у кого есть железо, ты не знаешь?—с просьбой в голосе, спросил начальник.—Друзья приехали, надо помочь...

—У Селивана-рыжего, ему, как участнику войны, дали месяц назад тридцать листов на крышу, но еще двадцать не хватает, может на время он даст четыре листа...

—А где живет этот Селиван?—не выдержав, спросила Антонина Васильевна,—давай поедем, может уговорим...

—Здесь, недалеко, угловой дом у магазина...,—подсказал бригадир,—меня он не любит, Андреич, лучше вы езжайте...

—Дмитрий Митрофанович,—вдруг обратился к бригадиру Артур,—если привезем сейчас железо, сколько понадобится времени, чтобы изготовить эти гробы?

—Дней семь, не меньше...

—А семь часов? Мне надо сегодня...

—Для этого не один человек, а целая бригада понадобится,—ответил Дмитрий Митрофанович.

—Вот и хорошо, соберите бригаду и действуйте,—предложил Артур,—за скорость и все остальное я готов уплатить...

—С ребятами поговорить надо...,—проговорил бригадир.

—Ты и собери бригаду, инструменты, сварку, вот тебе размеры гроба,—скомандовал начальник,—а мы поедem за железом, лады?

—Буду стараться...,—ответил бригадир,—только времени маловато...

Селиван-рыжий, он же Селиван Богданович, оказался совсем не рыжим, а крепко сложенным, седым, как лунь, стариком, рассматривающим человека исподлобья. На просьбу Сергея Андреевича продать для изготовления гроба четыре листа оцинкового железа, которые при первом же поступлении будут ему возвращены с недоданными двадцатью листами, старик недовольно произнес:

—Знаю я вас, брехунив..., два роки чекавце железо... Ось, подывытсья, крыша вэс тэчэ...

—Железо в пути, Селиван Богданович, через пару недель получим и покроешь ты свою крышу,—заверил его Сергей Андреевич.

—Тяжко сбырал я ци гроши, на пенсии богато не сберешь, ни, не можу, пошукайте у других...,—отказался старик.

У Артура екнуло сердце, он вдруг осознал, что у него нет времени ждать, все, что он задумал, полетит на смарку, если немедленно сейчас же он не уговорит этого нелюдимого старика продать эти злосчастные листы оцинкованного железа. Мысль лихорадочно работала, надо что-то делать...

— Да что вы, Селиван Богданович, — поняв состояние Артура, обратилась к нему Антонина Васильевна, — неужто к нам доверия нет?

— А вы кто? Шось я вас не згадую? — хитро сощурился старик.

Антонина Васильевна представилась и добавила:

— Может под мое обещание дадите?

— Кому из вас воно потрбно?

— Мне, Селиван Богданович, — ответил Артур глухим голосом, — отец здесь умер, возьмите любые деньги...

— Э...хе...хе, — закрихтел старик, понимая, что покупатель готов к любой плате, — газд, давай двисти рублив и забирай...

— Да вы что..? — возмутился было Сергей Андреевич, названной стариком пятикратной цене, однако Антонина Васильевна вовремя взяла его за локоть и отвела в сторону.

Но вернувшегося с железом Артура на базе ждала новая неприятность, бригада никак не соглашалась выполнить заказ в такой короткий срок.

— Андреич! — первым заговорил бригадир, — ребята спрашивают, сколько заказчик уплатит за работу, — нас шестеро?

—Сколько надо?—тут же спросил Артур.
—Я готов уплатить столько, сколько вы запросите, если гробы и ящик будут готовы к 4 часам дня...

—Тысяча пятьсот рублей,—ответил бригадир после недолгих раздумий.

—Хорошо, я согласен, приступайте к работе,—попросил Артур.

—Крышку цинкового гроба заваривать где будем, здесь или в морге?—спросил сварщик и сам же добавил.—Говорю заранее, в морг я не поеду... И вообще я должен через час уйти...

—Да, ладно тебе, «косой»,—повысил на него голос бригадир,—сделаешь, как миленький, иначе из бригады вытурю...

Артур, Антонина Васильевна и Сергей Андреевич переглянулись в нерешительности, никто не знал как в таких случаях надо поступать. Первым нашелся Артур.

—Давайте сделаем так: вначале изготовьте деревянный гроб, я с ним поеду в морг, положу в него труп, закрою и привезу сюда, здесь же завершим остальное, устраивает?

—Да, это выход из положения, — согласился бригадир,—пошли ребята, не будем терять время...

—Подождите, Дмитрий Митрофанович,—попросил его Артур.—Вот, возьмите деньги...

Взяв деньги, бригадир быстро последовал за своей бригадой.

—Сергей Андреевич, спасибо вам огромное за доброту и внимание,—сердечно поблагодарил начальника РСУ Артур,—только

у меня будет к вам еще одна просьба, мне понадобится, как вы понимаете, грузовая машина: отвезти гроб в больницу, вернуться сюда, а затем поехать вечером в аэропорт...

—Машина будет та же, на чем мы привезли железо, не волнуйтесь, — пообещал Сергей Андреевич.—Саша!,—обратился он затем к водителю грузовой автомашины.—Помоги, пожалуйста, нашему гостю, будь с ним до конца...

—Хорошо, Сергей Андреевич, сделаю все, что нужно... Как вас зовут? — обратился он к Артуру.

—Артур Саламович.

—Я буду ждать вас здесь, Артур Саламович.

—Тоня, родная, ты—мое спасение, на всю жизнь в долгу перед тобой, у меня впереди еще много нерешенных вопросов, не буду и дальше отрывать тебя от дел, главное уже сделано, давай я отвезу тебя на работу.

—Что ты, Артур?! Тебе надо хотя бы часик отдохнуть и поесть, поедem ко мне.,—предложила она.

—Нет, нет, Тонечка, спасибо за все, я отвезу тебя,—снова повторил Артур.—Вот тебе мой адрес, знаешь, в жизни всякое бывает.

—Я и сама доберусь, вызову служебную машину,—отказалась Антонина Васильевна, положив бумагу с адресом в свою сумочку.

—Мне же все равно мимо твоей работы ехать, садись, пожалуйста,—уговаривал ее Артур.

—Ну, хорошо,—согласилась она и повер-

нулась к начальнику РСУ,—спасибо Сережа, я рада, что не ошиблась в тебе, будь здоров, —и села в такси.

Тепло, сердечно поблагодарив, и, попрощавшись с Антониной Васильевной, Артур обратился к водителю такси:

—Как вас зовут?

—Владимир...

—Так вот, Володя, меня зовут Артур Саламович, сейчас мы едем в больницу, в морг...

—Как в морг?—не понял водитель...

—Да, брат, у меня умер отец и я нуждаюсь в вашей помощи...

—Выражаю вам свои соболезнования, Артур Саламович,—искренне сказал водитель,—я сделаю все, что вам нужно...

—Вот вам, Володя, пятьсот рублей,—Артур передал водителю деньги,—прошу вас купить и привезти в морг шесть простыней и двенадцать метров красного бархата, думаю, этих денег будет достаточно...

—Хорошо, Артур Саламович, вы не беспокойтесь, я, хотя и сидел за хулиганство пять лет, совесть свою не потерял,—заверил его водитель взволнованно,—я быстро.

Артур пожал ему руку и еще раз убедился в правоте своего отца.

Не найдя «хмурого» в морге, Артур подошел к деревянному срубу во дворе и стал стучать, вначале в окно, затем в дверь, но никто не отзывался. Он снова вернулся в морг, однако железная дверь покойницкой была на замке. Артура охватило отчаяние, он не на шутку разволновался, опять побе-

жал к срубу и стал стучать что было сил сперва в дверь, потом в окно, но безрезультатно...

—Он, наверное, опять напился,—заявила вдруг невеста откуда появившаяся женщина с полным ведром воды,—нет его там, ищите лучше в сарае...—и она показала рукой на полуразвалившееся деревянное строение.

«Если этого наглеца нет и там, то мои дела могут оказаться в крайне затруднительном положении,—подумал Артур в который раз,—и все мои старания будут напрасными».

«Хмурый тип» действительно оказался в сарае, он спал на старой с изодранным верхом медицинской кушетке, одна ножка которой держалась на честном слове и готова была вот-вот развалиться. Артур взял того за плечо и стал тормозить, однако «хмурый» не просыпался. Тогда Артур стал тереть его еще сильнее и надо полагать, ему так и не удалось сдвинуть того с места, если бы поврежденная ножка кушетки, поломавшись, не свалила пьяного на землю.

Однако, даже свалившись со своего ложа, «хмурый» слегка шевельнулся, но не проснулся, словно спал не на сырой земле, а на пуховой перине. Артур в отчаянии крутился вокруг него и не знал что предпринять, каким образом привести его в чувство.

День перешагнул на свою вторую половину и времени оставалось все меньше и меньше. Раздумья привели Артура к мысли, что единственным человеком, который может сейчас ему помочь, это только главный

врач и он стремглав побежал в его кабинет, однако, как говорится, где тонко, там и рвется, главврача в кабинете не было. Что делать, как быть? Время неумолимо шло вперед, а попасть в морг Артур не мог. Вот-вот должен был вернуться и Володя и, словно потерявший рассудок, он снова побежал к сараю, но «хмурый» как лежал на месте, так и оставался лежать. Тогда Артур начал тормошить его с такой силой, что таким образом можно было разбудить и мертвого. Издав какой-то нечленораздельный вздох, «хмурый» повернулся на спину и, открыв наполовину один глаз, заплетающимся языком спросил невидимого мучителя:

—Ну, че..го на..до? К..кто.. з..десь?

—Черт возьми,—взорвался Артур, — что ты здесь развалился? Мне надо отца забрать из морга.

—Че..го на..до-то?—снова непонимающе спросил «хмурый».

—Вставайте сейчас же, надо открыть морг!—потребовал Артур возмущенно.—Ну, двигайтесь...

«Хмурый» приподнялся, сел, и, ухватившись за больную голову, растянул ноги.

—Я сей..час поп..ро..бую, — сказал он, словно в его затуманенный мозг возвращалось сознание.

—Я же просил тебя ждать моего возвращения,—старался Артур, хотя бы разговором пробудить в нем сознание,—а ты налился..

—На..ли..зался..,—бездумно повторил он, а потом, снова придя в себя, невнятно повто

рил,—бля..бу..ду поп..ро..бую.

—Пойдем, открой морг,—потребовал Артур, не зная как привести в чувство этого получеловека.—Ты встать можешь?

—У те..бя вып..пить есть?—неожиданно спросил он, как больной, которому вдруг захотелось попить,—я все с..сде..лаю...

Артуру было известно, что люди, работающие в подобных местах, пьют по-черному, иногда совсем не потому, что они законченные пьяницы, но, все равно их не оправдывал. Не можешь, не берись, считал он. Однако знал и другое, если дать сейчас «хмуromу» рюмку, ему можно вернуть работоспособность, поэтому, недолго думая, произнес:

—Сейчас я принесу, жди меня здесь...

Через десять минут он принес чекушку и разовый бумажный стакан. Шел уже второй час.

—На, пей,—Артур налил в стакан полчекушки и протянул «хмуromу».

—На..лей и ос..таль..ное, — попросил тот и протянул к Артуру дрожащую руку.

—Остальное потом, сначала нам надо дело сделать,—отказал ему Артур и положил чекушку в карман.

Выпив, «хмурый» вначале охнул, затем крикнул от горечи, с трудом поднялся и сначала неуверенно, но затем более или менее осознанно двинулся к двери.

—Пошли, — позвал он наблюдавшего за ним Артура, потом когда подошли к дверям морга, повернулся к нему испитым, еще более неприятным лицом и спросил:

—Сколько дашь, хозяин?

—Здесь ведро тепленькой воды найдется?

—оставив его вопрос без ответа, спросил Артур.

—Да, это рядом...

—В таком случае, сперва омоем его, затем сделаешь пару уколов формалина, поможешь завернуть его в саван и положишь в гроб, а перед этим гроб и крышку надо будет обшить изнутри простыней. Сколько тебе за это заплатить?

—Двести рублей,—ослабился «хмурый» и показал ущербные и нечищенные зубы.

«Вот нахал, заломил какую цену,—подумал Артур и решил,—черт с ними, с этими рублями, лишившись головы, о шапке не плачут».

—Хорошо, будет тебе двести..

Как раз, в то время, когда «хмурый» открывал двери морга, подъехал и Володя, водитель такси. Он передал Артуру простыни, бархат и остаток денег, но внутрь покойницкой не зашел.

—Спасибо, Володя,—молодец,—похвалил его Артур.—Теперь, брат, поезжай на базу РСУ, где мы с тобой были, спроси бригадира, Дмитрия Митрофановича. Если деревянный гроб готов, попроси Сашу, водителя грузовой автомашины, привезти его сюда. И забудь, пожалуйста, узнай, как идут остальные дела. Да, еще, чуть не забыл, захвати с собой мелких гвоздей и молоток. Я не могу оставить этого... без присмотра,—он показал на «хмурого»,—боюсь опять напиться..

—Хорошо, не беспокойтесь, я все сделаю,
—пообещал Володя и ушел выполнять просьбу Артура.

Смотреть на мертвого отца Артур без содрогания не мог, не принимало его сердце, не мирился мозг с этой невозвратимой потерей. Однако довериться и дальше этому все еще пьяному типу он не мог, поэтому надо было находиться рядом.

Гроб привезли через полчаса. Закончив все с покойником, «хмурый» категорически отказался обшить гроб бархатом снаружи, поскольку, мол, это не было обговорено. Артур, решив, что эту работу в РСУ сделают лучше, посчитал за благо разойтись с этим человекоподобным, поэтому с помощью Володи и Саши погрузили гроб в машину и поехали на базу.

Бригада Дмитрия Митрофановича в целом не подвела, ребята оказались на редкость трудолюбивыми и добросовестными. Лишь только сварщик оставил работу незавершенной, словно в подтверждение известной пословицы о семье и уроде, без конца проявлял недовольство то тем, что его держат чуть ли не силком, в то время как он должен немедленно уехать домой на день рождения сына, то тем, что электроды для сварки цинковых листов почему-то отсырели. Артуру вместе с бригадиром пришлось испытать немало треволнений, уговаривая этого ворчливого и раздражительного человека довести работу до конца.

—В конце концов, тебе платят большие бабки «косой», — заметил ему бригадир.

—Да, плевать мне на бабки этого хмыря, —стал кричать сварщик,—чего вы все лижите его зад..?

—Ах ты, сволочь!—возмутился один из членов бригады и ударил его кулаком в нос. —Ты чего нас позоришь, падла? Убирайся, я сам доварю оставшееся...

«Косой», взявшись за окровавленный нос, пригрозил:

—Я тебе покажу «сивый», я тебе попомню все это!—и, вытирая нос грязным носовым платком, ушел с территории базы.

«Сивый» действительно работу завершил.

В четыре часа дня, в это трудно было поверить, бригада погрузила ящик с гробом на машину и Саша в сопровождении такси с Артуром, двинулся в сторону аэропорта. В распоряжении Артура был час, в течение которого он до отлета самолета должен был доставить ящик в отдел грузовых перевозок, взять билет и вылететь в Хабаровск. Но на пути этих благих намерений неожиданно выросло еще одно препятствие. Поскольку габариты ящика чуточку, на несколько сантиметров, превысили нормативные и ящик в горизонтальном положении в двери самолета не влезал, командир АНнушки, двадцатиместного корабля, запретил грузить его на борт и приказал отправить обратно на портовый склад приемки груза. Это настолько ошеломило уже успокоившегося было Артура, что он, схватившись за голову, удрученно сел на подвернувшуюся ограду подсадика—все пропало, ему сейчас не улететь, придется все начинать сначала, разоб-

рать и уменьшить ящик...

«Надо же,—в отчаянии думал он,—прямо из огня да в полымя,—там был «косой» со своим неприкрытым злом на всех без исключения кавказцев, здесь командир АН-нушки, не менее бессердечный человек, который вдруг заупрямился и смотрит на него, как волк на ягненка. И тот и этот, в окружении и в отличие от многих добрых, отзывчивых, просто сердечных людей, были сходны в одном, если ты из кавказцев, то с тебя надо драть кожу... А ведь и я совсем недавно был похож на этих двоих, несправедливо полагая, что здесь чуть ли не все преступники. Чему же теперь удивляться?—корил себя Артур.—Да, уроки, уроки на всю жизнь.

Однако сознание того, что он не имеет право в данной ситуации расслабиться и предаваться унынию, что безвыходных положений не бывает, о чем свидетельствовал его сегодняшний пример, Артур, преодолев охватившую его смертельную усталость, встал и подошел к командиру самолета.

—Послушайте, командир, может быть мы этот ящик с гробом боком занесем?—с мольбой в голосе спросил Артур.

—Ни в коем случае, инструкцией это не предусмотрено, — жестко взглянув на Артура, ответил командир, при этом глаза его лукаво бежали.

—Что нужно, командир, чтобы обойти эту инструкцию? Я готов на все..,—намекая на вознаграждение, сообразил Артур.

—Ящик от этого меньше не станет,—тянул свое летчик, однако уже более спокой-

ным тоном добавил,—наш самолет не ИЛ, размер дверей меньше...

Он посмотрел по сторонам, нет ли кого поблизости, и без лишней скромности напрямик заявил:

—Ну, если вы готовы..., две сотенные и дело с концом...

Не раздумывая, Артур протянул ему деньги и гроб был возвращен со склада и погружен в самолет.

Поскольку до отлета самолета оставалось несколько минут, Артур поблагодарил Володю за поистине братскую помощь и, как договорились, протянул ему двести рублей, однако водитель такси, взяв сто пятьдесят, от пятидесяти рублей категорически отказался.

—Нет, Артур Саламович, я остальную сумму не возьму, я ведь утром о вашем горе ничего не знал...

Артур удивился этому благородному порыву Володи, притянул его к себе и по-братски обнял:

—Спасибо, Володя, я всегда буду помнить о тебе!—затем пожал ему руку и добавил.—Будь здоров, Володя!

Водителя грузовой автомашины, Саши, почему-то рядом не оказалось, сделав доброе дело, он ушел тихо, незаметно, как без шума и показухи делают свое дело настоящие люди.

—Он просил передать вам благополучного полета,—заметив, что Артур ищет Сашу, сказал Володя,—и я вам того же желаю, Артур Саламович, вы для нас обоих—при-

мер хорошего сына...

Полученная накануне броня пришлась кстати. Толчая и очереди на аэровокзале Хабаровска оставались все еще значительными, хотя чуть и поубавились. По предъявлении брони, кассир беспрекословно выдала ему билет на первый же рейс на Москву и Артур еще раз вспомнил добрым словом бывшего воина—кассира, который так предусмотрительно помог ему сегодня утром, помог от чистого сердца, по зову души.

Вспомнив об этом, он подошел к кассе на Комсомольск и нерешительно спросил:

—Скажите, пожалуйста, как зовут пожилого кассира, который работал здесь в прошлую ночь до утра?

—Андрей Петрович Артемьев,—ответила она с гордостью,—что-нибудь не так?

—Нет, нет,—сразу же ответил Артур,—наоборот, все очень хорошо, он замечательный человек, помог мне сегодня утром, я хочу написать о нем благодарственное письмо...

—Да, он действительно замечательный, кавалер трех Орденов Славы...

До отлета на Москву оставалось еще сорок минут и Артур, тяжело вздохнув, отправился звонить домой. Предстоял нелегкий разговор с матерью, которой он должен был сообщить о смерти мужа, о необходимости всяких приготовлений по этому поводу. Зная больное сердце матери, он тревожился за нее, раздумывал как сказать ей, чтобы, не дай аллах, ее смертельно не напугать. Не знал, не ведал Артур, что Мгомед Султано-

вич, директор винзавода, давнишний друг отца, позвонив в Комсомольск, уже обо всем знал и исподволь, потихоньку известил мать о кончине мужа...

—Я с Хабаровска звоню, мама...—начал Артур разговор с матерью, ожидая вопроса о том, как, мол он там оказался. Вместо этого он слышал совсем другое:

—Знаю, сынок, горе твоей матери, все знаю...

—Как?—встревожился он.—Кто сказал?

—После твоего отъезда в Комсомольск, туда много раз звонил Магомед Султанович..., он и рассказал нам о постигшем нас горе, сынок...

—Как ты себя чувствуешь, мама?—еще больше беспокоился Артур.—Ради аллаха, береги себя...

—Горе мне, сынок, со мной-то ничего не будет,—ответила она, причитая,—ты как, когда вылетишь?

—Через полчаса я вылетаю в Москву и, если мне удастся вложиться в график, я в 4 часа утра вылечу из Москвы и к семи утра буду в Махачкале, надо будет послать автобус...

—Хорошо, сынок, ты не волнуйся, Магомед Султанович пошлет машину,—успокоила его мать,—перед вылетом из Москвы позвони еще раз, мы будем ждать... Да, вот еще что, как по-твоему, когда назначим похороны?

—Если все получится как задумано, мама, да поможет нам аллах, похороны лучше всего назначить на завтра на час дня.

—Хорошо, сынок, так будет лучше...

Слава аллаху, мать перенесла эту печальную весть мужественно, без надрыва и душевного надлома, значит мудрый Магомед Султанович все сделал правильно, спасибо ему. Артур вдруг подумал, что не окажись в эти трагические часы рядом с матерью такого опытного человека как Магомед Султанович, ему самому было бы сейчас нелегко, ибо разговор с неосведомленной матерью о неожиданной смерти отца мог оказаться непредсказуемым не только для больной сердцем матери, но и для его утомленного от голода и выпавших испытаний, мозга.

Предстоял более чем восьмичасовой перелет. Оказавшись, наконец, в своем кресле и, откинувшись на его удобную спинку, Артур вдруг расслабился и ощутил такую усталость, что у него невольно вырвался болезненный стон. В его изнеможенной голове калейдоскопом мчались разноцветные картинки пережитых им за эти дни, до-существу, двое, но из-за смены поясов, одни сутки, унося его то на вершину горечи и печали, то в море доброты и душевности. Они, эти воспоминания, не давали ему забыться и заснуть, еще более усугубляя его истощенное состояние.

Неожиданно Артур почувствовал легкий толчок в плечо и тревожный голос соседа:

—Эй, друг, что с вами, вы стонете?

—Устал я..,—открыв глаза, нехотя ответил Артур.

—Может вызвать врача, вы бледны очень..? — снова спросил участливый сосед.

—Нет, не болен я, спасибо вам, не беспокойтесь,—успокоил его Артур, — просто пришлось немало испытать...

—Что-нибудь случилось?—заинтересованно спросил сосед.—Не из праздного любопытства спрашиваю, тоже прошел через все это...

—Везу труп отца,—Артур показал рукой на задний, багажный отсек,—умер в Комсомольске и, выправив спинку кресла, добавил, — вот такие дела, брат...

—Да, досталось, видно, тебе,—он сочувственно посмотрел на Артура,—небось и не ел все это время?

—И не ел, и не спал,—честно признался он этому незнакомому человеку,—не до этого было, двое суток пролетели, как сон, а теперь, умираю, спать хочу, но не могу...

—А куда летишь?

—В Махачкалу, в Дагестан.., — ответил Артур.

—Ты вот что, друг,—всполошился сосед,—давай-ка, мы с тобой малость перекусим, я тоже второпях забыл об ужине...

Он достал из своего саквояжа завернутую в салфетку нехитрую дорожную провизию и бутылку коньяка, затем встал со своего места и принес два бумажных стакана и бутылку минеральной воды. Раскрыв приставной столик, он разрезал хлеб, затем добротную копченую колбасу, и налив два полных стакана коньяка, тихо произнес:

—За упокой души твоего отца, аминь!—и привычно крякнув, выпил.

Артур забыв, что долго ничего не ел, то-

же машинально последовал за ним, почувствовав вначале как внутри все обожгло, а затем разлилось теплом.

За едой сосед рассказал ему, что возвращается домой, в Воронеж, из заключения, где просидел восемь долгих лет, что теперь ему 37 и зовут его Славой. Было видно, что годы пребывания в тюрьме оставили след не только на его лице, испещрив его морщинами, но и заставили хлебнуть немало страданий. Но одно было неоспоримо, они, эти годы заточения, не ожесточили его сердце, не омрачили рассудок, нет, наоборот, сделали добрее, словно за совершенное в молодости преступление, он дал вечный обет доброжелательства.

Артур заснул моментально и сон его был глубоким и исцеляющим. Встреча на борту лайнера и расставание с Вячеславом, этим щедрым душой и по-мальчишески бесхитростным человеком, в московском аэропорту запали ему в сердце на всю жизнь.

Поистине, пути господни неисповедимы...

ФРАМ

Породистую суку, с именитой родословной, привезли в Санкт-Петербург из какой-то европейской страны, сказав ее новому хозяину, что зовется она «Ньюфаундленд». Через некоторое время та принесла шестерых здоровых и красивых щенят, отчего обрадованный хозяин, расщедрившись, подарил одного из них своему другу—капитану дальнего плавания Вячеславу. Тот преподнес щенка своей молодой да красивой жене Ирочке, то бишь Ирине Владимировне Благородовой.

Ирина Владимировна, с детства мечтавшая иметь чистокровную собаку, была весьма благодарна заботливому супругу за столь редкий да к тому еще живой подарок, поскольку за несколько месяцев своего стремительного замужества (она без памяти влюбилась в него с первого знакомства) самого Вячеслава она видела крайне редко и то не надолго. Как бытует поговорка, моряки больше принадлежат морю, нежели жене.

Уже в конце второго года на небосклоне их совместной жизни появились первые тучки. Дело в том, что Ирина Владимировна по настоянию мужа неохотно оставила службу в качестве секретаря директора крупного завода станков и автоматов, согласившись, что не обремененная работой, будет иметь больше времени создать любимому супругу условия полного уюта и окружить его заботой и вниманием. Однако, в ожидании его воз-

вращения с плавания в очередной раз, украсив окна, в тон дорогой мебели, красивыми ажурными занавесками, вдруг непривычно заскучала и чтобы как-то скрасить охватившее ее одиночество, вышла погулять в расположенный рядом заботливо ухоженный сквер.

Стояла солнечная, не по-весеннему, теплая погода, на вышедших из холодной зимы почерневших вербах клонули первые пушистые почки, отчего на душе ее стало удовлетворенно легко. Сев на скамейку, и откинувшись на спинку, Ирина Владимировна, словно очнувшись от долгой спячки, задумалась над образом своей жизни, над своим самозаточением и пришла к единственному выводу, что так жить нельзя, что без привычного дела ей дольше не выдержать. И она решила убедить в этом мужа, в надежде, что он ее поймет.

К причинам ее подобного состояния добавилось еще одно обстоятельство, чисто женское, можно сказать, извечный зов материнства—желание иметь детей, прижать к груди своего крохотного ребенка от любимого мужа. Однако почему-то признаков беременности все не наступало и это ее крайне огорчало. Иногда, лаская выраставшего на глазах Фрама (так они называли щенка), она подспудно ловила себя на мысли, что может быть именно чувство материнства и вызвало в ней в свое время ту вспышку восхищения и радости, когда муж преподнес ей живой подарок.

С твердым намерением сходить завтра на

консультацию к врачу, а также позвонить на прежнее место работы с тем, чтобы узнать о возможности своего возвращения, она встала со скамейки и неторопливо направилась через дорогу в магазин, чтобы купить к ужину свежий хлеб и корм для Фрама. И вдруг в трех десятках метров она увидела Вячеслава под руку с какой-то женщиной. Не заметив ее, они прошли мимо, о чем-то оживленно разговаривая и мило улыбаясь друг другу.

Ирина Владимировна вначале опешила и застыла на месте с открытым ртом, а затем, не поверив своим глазам, инстинктивно последовала за ошеломившей ее парой. И по мере того, как она, приблизившись к ним, четко разглядела не только мужа, но и женщину, живущую на соседней улице, известную спортсменку-гимнастку, к которой домой они и направлялись сейчас, ее охватило чувство такой подавленности, душевного надлома, что она остановилась и, чтобы не упасть, бессильно прислонилась спиной к стене.

Господи, как он может? Она ждет его не дождется, считает дни и часы его скорейшего возвращения, чтобы отдать ему весь жар своего сердца, без остатка отдать ему всю себя, а он... так низко пасть..., поступить так подло... Она вспомнила, как ей, будто мимоходом, рассказывали подруги о непостоянстве мужа, но она не верила, не могла в это поверить...

И все же, надеясь, что это роковое стечение обстоятельств, просто случайная встреча,

так сказать, дружеский визит вежливости. что муж, который постоянно клялся в верной любви, не мог нанести ей такое оскорбление, она села на низкую каменную изгородь, напротив подъезда, куда они зашли, и стала терпеливо ждать.

Шло время, город окутали сперва вечерние сумерки, затем темнота ночи, после чего зажглись уличные фонари, а его все не было. К пробиравшему ее холоду прибавилось еще щемящее чувство тоски и безысходности. О чем только не передумала она в эти томительные часы ожидания.

Что бы с ней не случилось, решила Ирина Владимировна, если даже придется простудиться от холода, она все равно дождетя часа, когда он все же решит вернуться домой. Но каково же было ее разочарование, когда где-то к одиннадцати часам ночи он появился на улице с мусорным ведром и в шлепанцах на босу ногу и, заметив идущую ему на встречу жену, остановился перед ней, как вкопанный.

—Может тебе помочь, милый?—спросила она убитым, расслабленным голосом.—Смотри, не надорвись от усердия...

—Как... ты здесь оказалась?—заикаясь от волнения, спросил он.—Как ты узнала?

—Случайно, да, роковая случайность,—ответила Ирина Владимировна уже тверже и добавила,—это уже не важно,—и, опустив голову, словно не он, а она была виноватой, направилась в сторону своего дома.

Пришел он где-то за полночь. Открыл своим ключом входную дверь и воровато вошел

в квартиру. Ирина Владимировна, у которой за эти несколько часов в висках появилась седина, уверенная, что он все же скоро придет, устало облокотившись о спинку мягкого кресла, не проронила ни слова.

—Ирочка, прости меня, я виноват перед..— начал было грешный муж, но, заметив протестующий жест жены, осекся.

—Не надо, Слава. Слов не надо..,—отрешенно остановила она его.—Сейчас же, без шума и скандала собери свои вещи и уходи!

—Прости меня, это было какое-то затмение, я по-прежнему люблю тебя,—уверял он ее, упав перед ней на колени.—Прошу тебя, прости, я никогда...

—Я же сказала, что слова твои—пустой звук, они мне не нужны. Полагаю, тебе лучше без скандала, а то еще со службы погонят. Я этого не хочу. Уходи!

—Я никуда не уйду!—заметив ее непреклонность, возмутился Вячеслав.—Она и моя квартира.., за нее мы отдали свои. Неужели случилось такое, что нельзя простить? Подумаешь..!

—Верно, но не только квартира, а и вещи,—не обратив внимания на его последние слова, ответила она.—Это мы решим через суд, но ни сейчас, ни в будущем мы с тобой под одной крышей жить не будем. Так что, благоразумия ради, заberi все что хочешь и уходи...

—Ты меня шантажируешь! Ты—неблагодарная, бесплодная тварь!—собирая и укладывая в чемоданы вещи, выкрикивал он оскорбления одно хлеще другого.—Я оставлю

тебя в голых стенах, ты еще не раз пожалеешь...

Если раньше в ней и теплилась надежда на примирение, теперь же она без сомнения решительно открыла перед ним дверь и твердо произнесла:

— Все, оставь ключи и уходи!

— Вот и хорошо, а то я не знал, как от тебя избавиться! — с издевкой выкрикнул он. — Спасибо, сама помогла...

Услышав непривычные крики хозяина, Фрам доверчиво приблизился к Вячеславу и в знак преданности стал облизывать ему обувь, но тот вдруг в бессильной злобе, поддев собаку носком туфли, приподнял и бросил на расстроенную жену. Фрам удивленно взглянул на своего обидчика и остался лежать у ног расстроенной хозяйки.

— На, подавись, пусть он тебе вместо меня будет! — оскорбительно выкрикнул напоследок взбешенный муж, бросил на тумбочку ключи, схватил в обе руки чемоданы и, хлопнув ногой входную дверь, стремительно покинул квартиру.

Оставшись одна, и вконец осознав крах своих надежд и мечтаний, Ирина Владимировна схватилась руками за голову и горько, навзрыд заплакала. Она поняла, что на этом ее мучения не закончатся, что впереди невыносимый для ее психики судебный процесс, который и дальше будет нещадно хлестать по ее истощенным нервам.

Кто мог подумать и догадаться, что этот красивый и импозантный на вид мужчина, в семейной жизни окажется столь беспут-

ным и крайне неразборчивым. Недаром говорят, что не все золото что блестит. Ирина Владимировна вспомнила, как она, ослепленная внешним видом и красноречием Вячеслава, пренебрегла тогда, хотя и не таким красивым, но в сущности чистым и порядочным человеком, соседом по лестничной площадке и своим сослуживцем. Урок оказался для нее слишком жестоким, и она не выдержала. Хотя накануне и устроилась на прежнее место работы, куда ее с удовольствием приняли обратно, состояние ее здоровья с каждым днем ухудшалось, она словно свечатая на глазах и вконец, потеряв последние силы, слегла. Этому предшествовало еще и то, что в дополнение к потрясениям от предательства мужа, Ирину Владимировну сразила неожиданная смерть матери, после похорон которой с ней случился тяжелый приступ стенокардии.

Если раньше, при надобности, за Фрамом могла поухаживать заботливая и всегда внимательная мать, то теперь Ирина Владимировна оказалась в крайне затруднительном положении. Кроме того, что она сама нуждалась в уходе, возникла еще проблема выгуливания собаки, что, естественно, в нынешнем состоянии она делать не могла. Но поскольку другого выхода не было, Ирина Владимировна через силу, преодолевая головокружение и смертельную слабость, все же вынуждена, если не дважды, как раньше, а хотя бы раз в день выводить Фрама во двор. Конечно, это создавало собаке крайнее неудобство, отчего она стала тревожно ску-

лечь, но сделать большее Ирина Владимировна была не в состоянии.

Однако депрессия ее прогрессировала настолько, что однажды, поднимаясь по лестнице на второй этаж, она упала с нее и чуть не лишилась жизни. Распластанную у нижней ступеньки, с едва заметными признаками жизни ее нашел тот самый сосед с одной с ней площадки, который, увидев ее в таком состоянии, тут же бросился на помощь. Осторожно приподняв ей голову, он с участием спросил:

—Что с вами, Ирочка, вы не ушиблись?

Ирина Владимировна пришла в себя, чуточку пошевелилась и жалобно застонала.

—Кажется, ушибла плечо..,—и сделала попытку подняться, однако в следующую секунду, охнув, замерла на месте.

—Не двигайтесь, пожалуйста, я вам помогу, слава богу, живы..,—с этими словами он осторожно поднял ее на руки и понес в квартиру на второй этаж. Увидев хозяйку, Фрам радостно крутил хвостом и прыгал, облизывая ей руки. Он давно ждал ее возвращения.

Сосед уложил Ирину Владимировну на диван, позвал женщину-соседку, чтобы раздеть ее и вызвал скорую помощь.

—Спасибо, Коля.—Все же успела она отблагодарить его за доброе участие.—Иди на работу, тетя Нура поможет...

Теперь Ирина Владимировна вообще не стала подниматься с постели, ибо не только физически, но и состоянием духа оказалась совершенно надломленной, перестала сопро-

тивляться сковавшей ее болезни и приготовилась к близкому концу.

Фрама по ее просьбе стала выгуливать двенадцатилетняя девчушка Даша.

—Дашенька, милая,—устало сказала она девчушке в тот день, когда после падения, ее покинули вызванные врачи скорой помощи.—Присмотри за Фрамом, привыкай к нему, она собака добрая...

—Хорошо, Ирина Владимировна,—я буду гулять с Фрамом и утром, и вечером, не волнуйтесь.

Ирина Владимировна медленно угасала. И будто почувствовав неладное, Фрам стал проявлять какую-то повышенную возбудимость, нервозность, а через пару недель в его поведении вообще произошли непонятные метаморфозы. Улегшись у кровати хозяйки, он не стал есть и категорически отказывался идти с кем-либо гулять. Ни ласки, ни уговоры сердобольной Дашеньки не могли его сдвинуть с места.

—Поешь, Фрам,—судя по голосу, нервничала девчушка на следующее утро,—поешь, ты же умрешь так... И вам надо поесть, Ирина Владимировна, вы и не притронулись к приготовленной мамой еде...

—Иди Фрам, поешь...,—устало повернув голову в сторону собаки, тихо, чуть слышно, проронила больная.—Я не хочу...

Фрам же в начале жалобно заскулил, но с места не тронулся, потом поднялся, ухватил хозяйку за подол ночной рубашки и стал стаскивать ее с кровати, взглядом требуя, чтобы та поднялась. Делал он все это не сильно, чтобы не навредить больной, но

настойчиво, с каким-то преданно-заботливым взглядом.

—Ну что ты, Фрам,—слабо спрашивала его Ирина Владимировна,—я не могу...

Но собака была непослушна, взгляд ее молящих глаз говорил смотревший на нее больной,—что умрет здесь, у ее ног, если та не встанет.

Ирина Владимировна могла умереть не только от охватившей ее всю депрессии, но и от образовавшихся уже кое-где на ее теле пока не глубоких пролежней. Лежа плашмя, без движения, без воли и сил, она обрекла себя на гибель. В этой исхудавшей, бледной как лимон, с впалыми щеками, женщине трудно было узнать сейчас некогда жизнерадостную, подвижную и красивую девушку.

Фрам от хозяйки не отходил. Теперь он не только звал ее подняться, но и плакал.

Ирина Владимировна интуитивно приоткрыв глаза и увидев слезы Фрама, порази-лась настолько, что сделала попытку поднять голову, но обессиленная, снова урони-ла ее на подушку. Нет, ей не подняться, она обречена. Да и стоит ли ей жить, рассужда-ла она, если по ее вине, от переживаний по поводу легкомысленного замужества, мать ударил сердечный приступ и, она, сравни-тельно еще молодая безвременно покинула этот мир; если не сумела удержать около себя любимого человека и тот ушел к дру-гой? Нет, она не заслуживает ни прощения, ни счастья, ни самой жизни. Приговор, ко-торый она вынесла себе самой, лишил ее последних сил и воли к сопротивлению.

Остаившаяся ее ненадолго в покое, собака снова поднялась, подошла к ней ближе и посмотрела на нее умными и добрыми глазами.

«Ну что ты разлеглась? Как ты так можешь?—говорил ее любящий взгляд.—Тебе надо встать, слышишь, без тебя и я пропаду...»

«Не могу, хороший ты мой, силы оставили меня, лучше я умру...»

«Нет,—не согласился собачий взгляд,—ты встанешь!»—и Фрам снова схватил ее за подол, еще сильнее потянул с кровати.

«Ох, какой же ты настырный»,—подумала Ирина Владимировна и невесть каким образом, ухватившись за край подушки, сперва сдвинулась с места, еле-еле села на постель, отчего у нее муторно закружилась голова и она чуть не свалилась на пол, потом через минуту придя в себя, опустила исхудавшие ноги и теперь уже, держась за прикроватный столик, встала во весь рост.

—Ты мне и умереть спокойно не дашь..,—укоризненно заметила она Фраму и слабым голосом добавила,—так, что же мне дальше делать по-твоему?

Фрам, виляя от радости хвостом, подошел к ней близко и подставил свою большую голову ей под руку.

—Ах, вот как..,—положив ладонь на голову собаке, чуть слышно сказала Ирина Владимировна, но от лишних движений закачалась и чудом удержалась на ногах.—Нет, милый, я не сумею даже шага сделать, не обессудь...

Она с трудом, снова держась одной рукой

за кровать, села на постель, и ее взгляд невольно упал на чашечку с куриным бульоном, который стоял на прикроватном столике со вчерашнего дня и давно остыл. От приступа голодного позыва ее затошнило и, она хотела было лечь, но рука невольно протянулась к чашке..

Пила она не торопясь, глотками, с трудом удерживая чашку двумя дрожащими руками, но выпила все. Затем, осторожно положив чашку на столик, медленно легла сперва на бок, а потом привычно на спину. Заметив действия хозяйки, преобразился и Фрам. Он тоже приблизился к своей не при тронутой миске и неторопливо, с достоинством съел всю предназначенную ему, еще два дня назад, еду.

Ирина Владимировна лежала с открытыми глазами, когда через час, уже под вечер, к ней вошла Дашенька и, увидев, что кружка с бульоном пуста, а Фрам, вопреки ожиданию, тоже съел свою еду, быстро вернулась к себе и уже с порога радостно сообщила:

—Мама, мама, Ирина Владимировна выпила бульон и Фрам тоже поел...

Обрадованная женщина немедленно последовала в соседнюю квартиру.

—Как хорошо, Ирочка, что ты, наконец, хоть что-то выпила, это Николай принес вчера курочку, уж больно он переживает за тебя...

—Спасибо ему.., и вам, тетя Нюра с Дашенькой...

—Да что ты, милая, не чужие небось.., отдыхай, набирайся сил,—вдруг спохватилась она,—я тебе мигом супчика сварю...

— Там у меня деньги, на полке в шкафу..
— устало предложила Ирина Владимировна,
— заплатите за расходы...

— Да что ты, какие тут расходы.., ты столько времени почти ничего не ешь.., — запричитала соседка, — какая радость-то, милая, наконец пришла в себя...

Соседка тетя Нюра пошла на кухню готовить больной суп, а Дашенька подошла к лежавшему на полу Фраму и, погладив его по голове, ласково сказала:

— Ну, дружок, пошли гулять?..

Фрам, виляя хвостом, не тронулся с места. Он смотрел на хозяйку и ждал ее приказаний.

— Не надо капризничать, — уговаривала девчушка собаку, — пойдем..

— Иди Фрам, — повернувшись к нему, сказала Ирина Владимировна, — иди, мой хороший, потом и я пойду с тобой...

Фрам будто только этих слов и ждал. Он поднялся и, опустив свою мохнатую голову, пошел за Дашенькой на прогулку.

Следующий день оказался для Ирины Владимировны не менее трудным, хотя полчашки супа, с подачи заботливой соседки, все же съела. Но встать не смогла, лучше сказать, не хотела, не хотела сопротивляться силе, приковавшей ее к постели.

Обратив внимание на подобное состояние хозяйки, Фрам снова насторожился, затем подошел к кровати и стал лизать Ирине Владимировне руку, мол, не лежи, вставай... Однако та не реагировала. Тогда Фрам снова ухватился за подол ее рубашки и стал тянуть. На этот раз все настойчивее и силь-

нее. Ирина Владимировна встрепелулась, затем, испугавшись, что упадет, с трудом села и, несмотря на головокружение, встала на ноги. Сердце бешенно колотилось, медленно проходило головокружение.

—Ну, не тяни больше,—успокоила она Фрама,—помоги мне дойти до туалета...

Фрам услужливо подставил ей высокую спину. К этому времени щенок превратился уже в крупного пса. Порой, положив передние лапы на плечи Дашеньки, он становился выше нее почти на целую голову.

Так, почувствовав поддержку, Ирина Владимировна, медленно, с трудом передвигаясь, подошла к туалету.

—Молодец, мой друг,—благодарила она его в полголоса,—теперь я уже сама...

Вернулась она к постели так же с помощью Фрама, но не успела лечь, как вошла ее верная помощница.

—Дашенька, милая,—усталым голосом попросила она девчущку.—Прежде чем пойдешь с Фрамом на прогулку, положи мне, пожалуйста, подушки так, чтобы я могла сесть на постели, сможешь?

—Конечно, Ирина Владимировна,—и Дашенька проворно исполнила ее просьбу—теперь облокотитесь, так вам будет удобно. Скоро и мама зайдет...

Фрам и Дашенька с хорошим настроением покинули квартиру.

Вначале, облокотившись на подушки, Ирина Владимировна почувствовала некоторый дискомфорт, почему-то стали болеть почти омертвевшие участки кожного покрова именно тех частей тела, которых совсем не-

давно даже не чувствовала. Затем, малость поерзав, успокоилась и стала смотреть в окно, радуясь свету и солнечному теплу.

Со двора вернулись посвежевшие и повеселевшие Дашенька и Фрам. Девчушка попрощалась, пообещав отправить вслед мать. И когда в дверь постучали, Ирина Владимировна подумала, что это пришла соседка, тетя Нюра. Однако вместо нее в квартиру неожиданно вошел другой сосед—Николай. В одной руке он держал букет ее любимых цветов —георгин, а в другой—большой арбуз. Переминаясь с одной ноги на другую, он широко улыбался, ничуть не скрывая своей радости.

—Наконец-то, Ирочка, ты пошла на поправку, однако напугала ты нас порядком...

—Положи арбуз, а то уронишь такую драгоценность...—стараясь шуткой сменить тему, тихо сказала хозяйка.—Ты-то, Николай, не из пугливых...

—Не скажи, не скажи, Ирочка,—положив арбуз на стол, заметил Николай.

—А вот арбуз мне посоветовал купить наш участковый врач, угостите, говорит, ее прохладным арбузом, очень полезно...—он проговорил последние слова на манер участкового врача.

—Кстати, куда он сам запропастился? С ним ничего не случилось?—участливо спросила Ирина Владимировна.

—Тоже лежит с перевязанной ногой, подскользнулся на арбузной корочке...,—полусмешливо, полусерьезно ответил Николай.

—Так вот почему он посоветовал вам принести мне арбуз?—сделав попытку улыб-

нуться, устало спросила хозяйка, и неожиданно попросила.—Дайте мне, пожалуйста, халат, вон на спинке стула...

Подав ей халат, Николай отвернулся. Ирина Владимировна с трудом оторвалась от постели, встала на ноги и, долго не попадая в рукава, надевала халат. Потом также с помощью услужливо подоспевшего Фрама, подошла к столу и, скорчившись от боли, села на стул.

—Молодец, Ирочка,—похвалил ее Николай,—нежно погладив Фрама за холку, ответила Ирина Владимировна.—Если бы не он, я бы умерла. С постели поднял меня Фрам...

—Тогда вы молодцы оба, пошутил Николай и положил перед ней разрезанный арбуз.—Ешь, прошу тебя...

Все еще дрожащими от бессилия руками Ирина Владимировна взяла кусочек спелого, сочного плода и стала есть.

—Спасибо тебе, Николай, за заботу и внимание, — поблагодарила она соседа.—Арбуз очень вкусный, я поем еще,—и она взяла с тарелки еще один кусок.

—Так я и принес, чтобы ты поела,—обрадовался Николай.

В этот момент с кастрюлей в руках вошла тетя Нюра, увидев соседа, обрадованно заметила:

—Как хорошо и Николай здесь, будем вместе обедать...

—Куда мне..,—подняв бледную худую руку, жестом запротестовала Ирина Владимировна, я вот уже арбуз съела...

—Арбуз арбузом,—категорически замети

ла тетя Нюра,—а вот чуточку овсяной каши с полкотлеткой, сам бог велел. Вам надо сил набираться, Ирина Владимировна. Так я говорю, Николай.

—Да, да, тетя Нюра,—поддержал ее Николай и в шутку добавил,—а то сейчас у нас не Ирочка, а глиста в обмороке.

На шутку Николая улыбнулась даже сама хозяйка, которая под натиском соседей все-таки была вынуждена съесть три-четыре ложки каши и почти целую котлету.

—Да, чуть не забыла,—убирая со стола, будто невзначай, заметила тетя Нюра,—даже не знаю что делать.., я сейчас уйду на ночное дежурство в больницу, а Дашенька же—к подружке на день рождения, а собаку вечером выгуливать некому..

—А можно мне?—неожиданно предложил Николай.—У меня сегодня выходной день и я вполне могу это сделать..

—Конечно, можно,—быстро согласилась тетя Нюра,—а то я просто не знала, что делать...

—В следующий раз может я и сама пойду с Фрамом..,—все еще устало сказала Ирина Владимировна,—если голова не закружится...

—Ты еще несколько дней не торопись,—посоветовала ей тетя Нюра,—Дашка это делает с удовольствием, Фрам—умный пес.

Услышав похвалу, Фрам удовлетворенно вильнул хвостом.

Николай, пообещав к вечеру зайти, ушел. Собрав еду со стола и, положив кастрюльку с кашей и котлетами на нижнюю полку холодильника, собралась, было уйти и тетя

Нюра, однако остановилась у доедавшей кусочек арбуза Ирины Владимировны.

— Не обессудь, Ирочка, — мягко сказала она, обращаясь к молодой соседке, — все хотела спросить да не решалась, почему ты тогда недооценила Николая, а вышла замуж за этого павлина? Коля вырос на моих глазах, он не волокита и не ловелас какой-нибудь, а достойный человек, мы — соседи, радовались вашей дружбе, мне сказали, что вы любили друг друга...

— Что теперь-то, тетя Нюра?! Не знала я, что и в красивой скорлупе может оказаться гнилой плод...

— Этого Вячеслава, пройдоху и обольстителя, у нас здесь почти все знают, лишь ты одна ходила с завязанными глазами, — беззлобно выговаривала Ирину Владимировну соседка.

— Ошиблась, а ведь меня предупреждали..., — призналась молодая женщина.

— Смотри, не ошибись еще раз, не упusti Николая..., — предупредила та Ирочку.

— А захочет ли он меня теперь, — безнадежно высказала сомнение Ирина Владимировна, — как он назвал меня недавно — «глисту в обмороке»?

— Глупая ты, Ирочка, любит от тебя...

— Мне ли сейчас об этом думать, тетя Нюра? — вздохнула Ирина.

— Думать нужно всегда... Ну, да ладно, — вдруг спохватилась она, мне уже пора..., запомни мой слова, слава богу, не маленькая...

Проводив тетю Нюру благодарным взглядом, она съела еще кусочек сладкого арбуза, встала из-за стола и пошла к постели.

Ирина Владимировна вдруг всерьез и по-настоящему почувствовала, что жизнь возвращается к ней снова и, не торопясь, легла на свое место.

Теперь Фрам долго лежать ей не давал, он каждое утро поднимал ее и терпеливо ждал, когда она его накормит. Ирина Владимировна и сама могла признаться кому угодно, что испытывает радость от того, что может, наконец, исполнить желание своего верного пса, что утро приносит ей не только пробуждение, но и надежду. Встав с постели, она настежь открывала окно, пуская в комнату свежесть летнего утра и смутное чувство душевного облегчения.

Утром Ирина Владимировна, накормив Фрама, позавтракала сама и, накинув на плечи легкую курточку, хоть и с трудом, но вывела собаку на прогулку. Радости Фрама не было конца, он, торжествуя победу, вилял хвостом и то и дело преданно заглядывал в глаза все еще не совсем здоровой, но уже ходящей хозяйки. Однако присутствие и радостный взгляд верного Фрама придавали ей новые силы и она благодарно улыбалась.

Иногда в вечерних прогулках ее сопровождал теперь и Николай, поднимая ей настроение рассказами о делах завода и приветам от друзей и подруг. Ирина Владимировна была вынуждена признать, что присутствие Николая ей приятно и, что она с нетерпением ждет новых встреч. Признал Николая и Фрам и в знак преданности к нему не обходил ласками и его.

В ожидании каждого следующего дня Ирина Владимировна выздоравливала...

ТРОЕ В МОРЕ

Магомед, Мирза и Мурад, ученики десятого класса единственной средней школы, родились в маленьком поселке стекловаров и жили на берегу Каспийского моря. Надо ли говорить, что влюбленные в свой Каспий они, дети моря, постоянно спорили с каждым, доказывая, что никакое оно не «озеро», а что ни на есть самое настоящее «море», хотя не раз и не два выходили из этих словесных перепалок недовольными, но еще больше уверенными в правильности своих убеждений.

—Мы уверены, что те ученые, которые так считают, ни разу у нас не были и не знают буйного нрава нашего красавца, — часто горячо и увлеченно доказывали они. — Не видели скачущие, как необученные кони, белогривые волны, разлетающиеся от всплеска и искрящиеся на солнце, брызги, богатыря нашего, способного и большие корабли на самый гребень поднять и глубоко в пучину унести...

Вот в другое время, — воодушевленно

продолжали они свой любовный монолог, — особенно в летнюю пору, Каспий становится ласковым, нежным и тихим, вода же такая чистая, прозрачная, что с высоты нескольких метров видать желтое песчаное дно и ракушки на нем, да еще прожорливую шамайку, которая завидя мушку на поверхности, тут же взметнется вверх и, взмахнув хвостиком, устремится с добычей вниз, нарушив водную гладь.

А на вопрос, почему у Каспия такой изменчивый характер, они как рыбаки и моряки здешние, уверяли, что это у него от обиды, мол, когда убывает в нем вода, высыхает и отходит море от своих берегов, сердится Каспий, шумит и волнуется, что нет людям до него дела, забывают о нем, кормильце, а вспоминают лишь тогда, когда в нем нужда появляется, когда искупаться да насладиться нужно. Вместо того, чтобы беречь его, держать в чистоте, наоборот, пачкают да гадят разными отходами. И правильно делает Каспий, что сердится и шумит, ибо не плачущего дитя не кормят. Но вот когда тают ледники да снега на Кавказе — горе и быстрые реки несут воды свои в море наше дивное, наполняют его, берегут от солнца жаркого, вот тогда, мол, оно спокойно и тихой гладью своей приносит людям радость.

Да, для жителей этого маленького поселка на берегу, особенно для детей, море шестидесятих годов было всем: кормильцем, местом отдыха и испытаний. Именно здесь они познавали первые радости и огорчения,

вкус соленой воды на губах любимых и горечь разочарования, здесь проходили первые мальчишеские испытания — заплывы «на мужество» и здесь же падали порой с пьедестала их первые кумиры.

Море, море...

И так, трое школьных друзей: Магомед, Мирза и Мурад смело могли отнести себя к сторонникам именно так называемой «морской» позиции.

Магомед среди них был самым низкорослым — метр шестьдесят пять, с жгуче черными курчавыми волосами, круглым лицом, чуточку выпученными, словно в постоянном удивлении, карими глазами, небольшим девичьим носом и пухлыми очерченными губами. Учился он лучше всех в классе, принимал участие во всех школьных соревнованиях и, вызывая удивление, занимая в них первые места. И несмотря на внешний вид «маменькиного сынка», рос смелым и умеющим за себя постоять, юношей. Добрый и отзывчивый от природы, Магомед старался не сказать товарищу обидного слова, был терпелив к чужим недостаткам, что иногда ошибочно истолковывалось, якобы, его бесхребетностью, чуть ли не трусостью, но когда такие выводы делались вслух и при нем, он мог скрутить обидчика, даже если тот казался внушительнее и сильнее, так, что задира, не выдержав подобного натиска, молил о прощении.

Целеустремленность Магомеда вызывала восхищение друзей, но редко кому было известно, что он ежедневно занимался по сис-

теме йогов и уже в шестнадцать лет мог делать со своим телом невероятные упражнения. Однако показуху не любил и сам этим не занимался.

Родители Магомеда, отец—сменный инженер, мать—учительница начальных классов, гордились успехами своего первенца, но относились к нему ровно, как и к остальным своим детям.

Что касается Мурада, то, в отличие от Магомеда, он был на двадцать сантиметров выше, для своего возраста, можно сказать, «дядя Степа». Но по сравнению с михалковским героем, был сутул, сухопар и имел впалый живот. Судя по длинным, как жердь, ногам, ему было нелегко носить ни них, хотя и тощее, но все же большое тело. Еще в восьмом классе, на соревнованиях по бегу, он много раз достигал финиша последним и тут же падал у беговой дорожки. Потом, видимо, постыдившись своей слабосильности, а может быть и из зависти к друзьям, стал усиленно заниматься физическими упражнениями, кое-как восстановил дыхание, малость даже окреп и больше от бодливости характера, нежели возросших возможностей, вступал в единоборство с довольно сильными и выносливыми ребятами в дальних заплывах, занимая, правда, совсем не призовые места.

Уже в десятом классе Мурад из неуклюжего подростка преобразился в сложившегося юношу с зачесанными в пробор русыми волосами, продолговатым в прыщах светлым лицом, на котором выделялись два на-

хальных ярких голубых глаза и большой с горбинкой нос.

Учился он средне, но это не мешало ему связываться с какими-то пришлыми неухоженными женщинами и исчезать с ними в камышах впадающей в море речушки, а потом хвалиться своими успехами.

В отличие от своих одноклассников, Мурад первым стал курить и выставлять себя сложившимся мужчиной. Говоря о своих достоинствах, он самонадеянно, с брезгливым безразличием относился к своим товарищам, больше уделявшим внимание учебе и общественной работе в школе, был задирист и нередко лез в драки.

Ему был год, когда постоянно хмельной отец, на спор, поднялся по лестнице цехового воздуходува и, не сумев удержаться, упал и разбился. По существу, все тяготы по его воспитанию легли на плечи обремененной заботами матери, которая весь световой день выполняла и сверхурочную черновую работу, чтобы, хотя бы таким образом, обеспечить своему единственному ребенку сносное существование...

Поскольку имен мы не выбираем, а их дают нам родители, надо полагать, что отец Мирзы, зам. директора завода по хозяйственной части, дал сыну подобное имя, Мирза—повелитель по-персидски, с честолюбивым замыслом, вырастить его деловым и респектабельным человеком. Рос Мирза в обеспеченной семье и был широкоплеч, крепок, занимался в поселковой секции по вольной борьбе и успешно участвовал во

многих малых и больших соревнованиях. Вопреки желанию отца, Мирза любил спорт и не скрывал своей честолюбивой мечты стать чемпионом мира. Из всех предметов в школе он больше предпочитал географию, ибо он давался ему легко и уносил в неведомые страны олимпийских и мировых первенств, откуда в своих мечтах он всегда возвращался победителем.

Вообще делать то, что легко, было его отличительной чертой и именно она в последствии сыграла решающую роль в его судьбе. Дело в том, что по мере того, как в очередных соревнованиях Мирза одерживал одну победу за другой, следующие первенства требовали от него усиленных тренировок, полной самоотдачи и порой надо было, что называется, выкладываться до последнего. Вот здесь Мирза стал самонадеянно лениться, пропускать некоторые особенно тяжелые тренировки, не считаться с мнением тренера, мол, равных ему на ковре сегодня никого нет и победа ему обеспечена.

Однако на очередном чемпионате страны среди юношей, куда с надеждой направили и Мирзу, он не выдержал натиска соперника и уже проигрывал схватку, если бы не применил запрещенный болевой прием, в надежде, что это останется незамеченным, и положил соперника на обе лопатки. Вначале так оно и произошло, ему присудили решающую победу и звание чемпиона. Мирза ликовал. Однако разобравшись в жалобе тренера соперника, судьи внимательно просмотрели видеопленку, обнаружили подвох и

единогласно отменили первоначальное решение, дисквалифицировали Мирзу и победу присудили сопернику, поскольку по очкам тот шел намного впереди нарушителя.

Тогда бы сделать единственно правильный вывод—продолжить занятия, усилить тренировки, устранить недоработки, послушать, в конце концов, совета опытного тренера, короче, готовить себя к новым поединкам, нет же, Мирза обиделся на несправедливое, как он считал, решение судей и к радости отца вообще бросил спорт раз и навсегда. Так, накануне летних экзаменов на аттестат зрелости, Мирза вернулся в школу несолоно хлебавши и приступил к занятиям.

После этих событий он, и без того утрюмый, стал вообще пасмурным, вспыльчивым, легко приходящим в раздражение. Спрятанный где-то глубоко в нем эгоизм, стал давать бурные ростки и заглушать даже те добрые начала, которые пробуждались в нем ранее. Порой, заметив направленные в его сторону ухмылки подростков, хотя они могли быть вовсе не ему адресованы, он без разбора, бил их, демонстрируя свои накаченные бицепсы. Естественно, это вызывало возмущение не только самих мальчишек, но и их родителей...

Вот эти разные по характеру и по сути одноклассники дружили уже десятый год.

Однажды в жаркий июньский день, после сдачи очередного экзамена по литературе, съев по паре пирожков с картошкой из школьного буфета, Магомед, Мирза и Мурад в приподнятом настроении пошли к морю с

намерением искупаться.

—Пацаны, верите нет, она мне говорит вчера, что я настоящий мужчина,—неумолкая рассказывал Мурад,—а баба она что надо, у меня и прыщи сходят...

—Да она же неряха, от нее, наверное, за версту несет,—донимал его Мирза и ехидно добавил,—«что надо»!

—Что ты в этом понимаешь?! Сосунок ты, маменькин!—разозлился Мурад на Мирзу.

—Я то?—с презрением произнес Мирза.—Когда я был на чемпионате в Москве, ко мне такая девчонка клеилась, во!—показывая большой палец, похвалился Мирза.—Захоти я, она бы запросто согласилась... А ты со своей грязнухой.., лучше расскажи, как это ты умудрился у одноклассника во время экзамена шпаргалку стащить? Тебе не было стыдно?

—Ишь ты, куда повел..?—удивился Мурад, а потом возмущенно добавил,—во-первых, шпаргалку у него стащил не я, а ты, чистенький ты наш, ибо у меня была своя, а во-вторых, черт с ним, я видел, но не стал тебе мешать, пусть выкручивается сам, он же у нас отличник хреновый...

Мирза стал смеяться.

—Ребята, в июне вода еще прохладная, так что я не советую..,—благоразумно предупредил их Магомед,—может искупаемся немного и пойдем домой?

—Да вы что, пацаны,—вмешался Мурад,—вода, что надо, я каждый день купаюсь, так что не волнуйтесь...

Они разделись, сложили рядышком одеж-

ду и двинулись к морю, но вдруг взгляд их упал на качающуюся на воде небольшую моторную лодку без лодочника. Мирза, словно в нем заиграли чертики, тут же побежал к ней и предложил завести мотор и выйти в море, пронестись, как говорится, по ветру. Однако Магомед, зная его заводной характер, неодобрительно покачал головой и предупредительно сказал:

—Мирза, ты что, с ума сошел?—Чужая лодка, нельзя без разрешения хозяина, за это судить могут...

—Я знаю хозяина этой лодки,—смело ответил Мирза,—он у отца работает, так что не волнуйтесь, я отвечаю!..

—Раз так, я согласен, пошли,—согласился Мурад и последовал за Мирзой толкать от берега лодку.

Мотор завелся сразу и Мирза сел за руль.

—Магомед, залезай быстрее,—позвал его Мурад и сам, облокотившись о борт, тоже влез в лодку.

Магомед бросился в воду и с другого борта последовал за Мурадом.

—Часик проедемся и назад,—заверил ребят Мирза, посмотрел на часы и опустил винт мотора в воду, — сейчас три, — значит до 4 часов...

Лодка стала стремительно набирать скорость.

И вдруг со стороны будки лодочника к берегу побежал какой-то паренек и стал кричать отплывшим похитителям:

—Эй, ребята, в лодке брешь, утонете!..

Однако за шумом мотора его было не-

слышно, лишь Магомед, заметив его обеспокоенный жест, сложив ладони рупуром, громко спросил:

—Что...о...?

—Опасно... о...!—размахивая рукой, словно прощаясь, кричал паренек.

Но те его предупреждений об опасности: ни жестов, ни слов не поняли. Магомед, усевшись в носовой части лодки, устремил свой взгляд вперед. Мурад, опустив руку в воду, бездумно играл с брызгами, блаженно замирая под лучами яркого солнца. Мирза тоже смотрел вперед, управляя одной рукой движением «Корабля».

Берег отдалялся все больше и больше. Занятые своими мыслями, друзья не слышали, как Мурад увлеченно, в который уже раз, рассказывал о том, каким образом ему удалось сегодня незаметно использовать шпаргалку, а потом перешел к смачному пересказу своих одних и тех же походов.

—Ну, как там, время не подошло возвращаться?—закончив рассказ, нетерпеливо спросил он.

—Да нет еще,—сделав вид, что смотрит на часы,—соврал Мирза,—рановато...

—А кажется, что плывем уже долго,—как-то недовольно снова заметил Мурад.

—Ты чего, испугался, что-ли, слабак?—с издевкой ответил Мирза и добавил.—Если так, нечего было и плыть с нами...

—По моему, не надо испытывать судьбу,—заметил Магомед.—Мне тоже кажется, что пора возвращаться...

—Да нет, я ничего..,—примирился Мурад,

—я как все...—однако неожиданно, прервав ход своих мыслей, испуганно воскликнул,—ребята, в лодку проникает вода, вот смотрите...

Сидевшие в носовой и кормовой части лодки, так сказать, на ее высоких позициях, Магомед и Мирза взглянули вниз, на дно лодки и были весьма озадачены. Со дна лодки маленьким фонтанчиком вверх пробивалась вода и остановить ее практически было нечем, лишь жестяная поллитровая банка из-под консервов валялась у самой кормы, под ногами Мирзы, которой, видно, и раньше выгребали воду.

—Давай, поворачивай назад,—приказал Магомед, затем поднял со дна баночку и стал выгребать воду, тоже самое стал делать Мурад, только пригоршнями.

Не успев повернуть лодку даже на пол-оборота, мотор неожиданно заглох. Все усилия друзей завести его снова результатов не дали. Потом догадались, что кончился бензин.

Лодка катастрофически быстро наполнялась и была уже до самых бортов в воде. Положение становилось угрожающим и Мирза понимал, что допустил непростительную ошибку. Поддавшись каверзному желанию проучить хвастливого Мурада, он вовремя не признался в том, что плыли уже не час, а намного больше.

Оглянувшись по сторонам, он вдруг не увидел берега. Сперва он растерялся, не поверил своим глазам, потом тщательно протерев их тыльной стороной ладони, снова

посмотрел туда, где должен был быть берег, потом стал разглядывать все другие стороны, но не было видно не только берега, но и высоких заводских труб, и даже вершины Кавказской горы в отдалении. Кругом была вода, вода и никаких ориентиров.

Наполненная водой лодка почему-то не накренилась на бок и не перевернулась, а камнем ушла на дно. Друзья, выплыв, и, глотая ртом воздух, оказались в нескольких метрах друг от друга. Первым опомнился Мирза.

—Ребята! — крикнул он вдруг испуганно.—Оглянитесь вокруг, что-то я ничего не пойму...

Те оглянулись.

—Ну, что-нибудь видите? Меня, кажется, глаза подводят...

Но глаза его не подводили.

—Нет, ничего не видно,—не понимая вопроса, ответили Магомед и Мирза, но затем уже один Магомед добавил,—вода кругом и больше ничего...

—Это что, мы так далеко заплыли?—вдруг, задыхаясь от возмущения, испуганно крикнул Мурад на Мирзу,—сволочь, это ты нарочно не сказал нам о времени. Все, я возвращаюсь!—решительно добавил он и, не обращая внимание на друзей, поплыл, как ему казалось, в обратном направлении.

—Я что, сам себе враг,—притворно посмотрев на часы, еще раз солгал Мирза, все еще уверенный, что ничего страшного не произошло,—оказывается, мои часы остановились...

—Заткнись, говнюк! — вскричал Мурад.
—Ты настоящий урод, я это тебе попомню...

Плыли, как казалось, в обратном направлении, уже часа два, однако чувствовалось, что Мурад нервничает и устает. Понимая, что это может привести к нежелательным последствиям, Магомед подплыл к нему ближе.

—Не нервничай, береги силы,—посоветовал он.—В случае, если устанешь, ляг на спину, отдохни, я рядом..

Время шло неудержимо быстро, но берега все еще не было не видать. Ниоткуда. Постепенно приходило понимание своей безысходности. Неужели заблудились? Видно же, что плывут совсем не в ту сторону.

А в какую сторону надо плыть, если кругом море? Где берег? В надвигавшихся сумерках эти безответные вопросы лишали и без того иссякающих сил.

Мирза, не обращая внимания на отставших друзей, широко взмахивая сильными руками, оторвался от них на сотню-два метров, но поняв, что впереди, кроме надвигающейся темноты, никаких ориентиров нет, в нерешительности остановился, повернулся назад и нехотя поплыл к ним.

—Что будем делать?—устало спросил он на смотревшего на него с осуждением Магомеда.—Видно мы заблудились и ночь надвигается...

—Заблудились!—зло выкрикнул Мурад!
—Гад! Не ты ли устроил весь этот балаган? Ой, кажется, ногу схватила судорога.., я не могу ею двигать..,—застонал он плаксиво и

в панике добавил,—сейчас утону... Магомед, у тебя есть булавка?

Ни у Магомеда, ни у Мирзы булавки, чтобы уколоть ему ногу и снять судорогу, не было. Напряжение возросло настолько, что их охватил ужас. Хотя днем вода казалась теплой, все же к вечеру явно стала холодать и море малость разволновалось. «Если поднимется ветер,—с тревогой подумал Магомед,—Мурада не спасти»...

Уже более трех часов они, по-существу, голые находились в море и никакой надежды на спасение. Стал пробираться холод. Страх обуял ребят и они по-настоящему осознали, что еще час-полтора и случится страшное. Даже Мирза почувствовал озноб, и, увидев, как из последних сил держится на воде плачущий Мурад, вдруг, как говорится, шкурой почувствовал, что положение их безнадежно, они могут погибнуть.

Отличный пловец с великолепным хладнокровием, не терял самообладания лишь Магомед, хотя и он был на грани срыва. Не теряя времени, он тут же подплыл к Мураду, и, удерживая на спине, взял его за голень, сведенной судорогой согнутой ноги и стал сильно водить ногтями по икроножной части, вверх и вниз, вверх и вниз, до боли исцарапав ему кожу. Вначале нога не реагировала на его усилия, однако через минуту-другую он почувствовал в ней какой-то проблеск тепла и Мурад вскрикнул:

—Ой, больно..!—потом, пошевелив стопой и пальцами, удовлетворенно сказал.—Кажется, отпустила...

—Двигайся, двигайся,—посоветовал ему Магомед, чуточку согревшись, от приложенных усилий и, может быть, от удовлетворения, что помог товарищу в беде.

Однако озноб и болезненное ощущение холода все больше давало о себе знать, сил двигаться оставалось все меньше и меньше и какая-то непонятная сонливость сковывало их, усыпляя бдительность и лишая сопротивляемости. Это были явные признаки переохлаждения организма. Немного понимающий в медицине, Магомед, догадывался, что именно это может привести их к гибели, что потеряв волю к движению, они никак потом не сумеют бороться с всепоглощающей морской пучиной.

Сквозь проплывшее темное густое облако, грозившее летним дождем, неожиданно выглянула луна, осветив страшную морскую черноту.

—Ох, я, кажется, умираю..,—донесся рядом тихий стон плачущего от безысходности Мурада.—Мама тоже умрет..

От предчувствия беды у Магомеда замерло сердце.

И вдруг смертельно-испуганный крик Мирзы разорвал тихий шелест волны:

—Магомед, что это за чудовище плывет на нас?!

Невдалеке от них плыло какое-то бесформенное черное тело. Вздрогнул и будто ожил, поверивший в свою безнадежность, Мурад.

—Ты видишь, он плывет прямо на нас?!—снова испуганно вскричал бледный, как

только что выглянувшая луна, Мирза.—Ой, мама, он нас проглотит..

—В Каспии чудовищ нет,—уверенно ответил Магомед.—Надо посмотреть, что это за предмет,—и нерешительно поплыл в сторону черного тела.

Это была коряга, ствол немаленького дерева невесть каким образом унесенного с какого-то берега могучим отливом Каспия в свою пучину.

—О, Аллах!—промолвил Магомед чуть слышно,—это может стать нашим спасением...,—а потом вдруг громно и радостно крикнул,—эй, ребята, не пугайтесь, это дерево...

Он ухватился за край коряги и толкнул его в сторону своих смертельно уставших товарищей.

—Мирза, поддержи-ка, пожалуйста, корягу с той стороны,—попросил его Магомед,—а ты, Мурад, попробуй сесть на нее верхом, сможешь или тебе помочь?

—По-п-ро-бую..,—ухватившись за верхний сук, и, силясь сесть на ствол, пыхтя от натуги, проговорил Мурад, однако, закинув было одну ногу, он обессиленно соскользнул с него и снова комом упал в воду. Магомеду стоило немалых усилий не дать ему уйти на дно. Однако в то время, когда Магомед был занят спасением товарища, Мирза сделал попытку сесть на корягу сам, но дерево, словно в наказание, неожиданно перевернулось на 180 градусов и сук, который был не виден под водой, вдруг всплыл наверх и по инерции сильно вонзился ему в левое плечо.

Мирза страшно закричал от боли и стал истошно звать на помощь. Из раны в плече медленно, а потом струйкой пошла кровь.

— Да, да, вы оба против меня! — увидев стекавшую с плеча кровь, в бешенстве закричал он. — Вы ненавидите меня, хотите моей смерти, потому что я богаче вас, придурков! Я все равно буду начальником, а вы всегда в подчинении... Да, я нарочно не сказал о времени, хотел наказать этого прыщавого босняка! И вдруг неожиданно добавил, — не держи его, Магомед, пусть тонет!..

И по мере того, как из него фонтаном били оскорбления и ругань, он все больше бледнел и слабел на глазах не менее испуганных друзей. В растерянности Магомед не знал что делать: то ли держать на одной стороне коряги дрожавшего от холода и уже готового уйти ко дну, Мурада, то ли поплыть на другую сторону и помочь Мирзе.

— Прошу тебя, держись за этот сук, — попросил Мурада Магомед. — Я помогу Мирзе...

— Не н-на-до ему по-мо-га-а.., — не попадая зуб на зуб, с трудом очнувшись от обволакивающей его слабости, проговорил Мурад и со злостью добавил. — Пу-сть с-с-дох-нет, так ему и на-до!..

— Ты сам скоро подохнешь, бабник хреновый! — злобно ответил Мирза.

Однако Магомед, не обращая внимание на враждебную перепалку еще недавно бывших друзей, подплыл к Мирзе, и увидев зияющую колотую рану в его плече, посоветовал:

— Тебе бы опустить раненое плечо в воду,

оленая вода пощипит чуть-чуть, но остано-
вит кровь...

Мирза послушно опустил пробитое плечо в воду, отчего в начале малость поморщился, но уже через минуту кровь остановилась. Однако любое движение плечом могло вызвать новое кровотечение и потому Магомед снова посоветовал ему:

—Держись правой рукой за корягу и старайся не тревожить левое плечо. Я попробую, пока есть силы, двинуть корягу по течению, авось куда выведет...

Не успел он досказать эти слова, как Мурад исчез в воде прямо на глазах. Если бы не Магомед, который тут же бросился за ним и успел поймать того за волосы, Мурад бы утонул во второй раз и уже безвозвратно. Сил поднять почти лишенного жизни товарища уже не было, но Магомед, снова собрав все свое мужество, все же поднял его наверх и ухватился за спасительную корягу. Мурад был бледнее смерти. Магомед знал, что если он наглотался соленой воды, то в сложившихся условиях его не спасти и потому, прижав Мурада к коряге, с тревогой спросил:

—Воды наглотался? Говори, пока не поздно!

Из полупосиневших губ Мурада стекала прозрачная слюна.

—Нет..,—еле слышно ответил он, отрицательно покачав головой. Потом, подняв уставшие веки, нехотя признался.—Ты опять опередил... Прости.., вот так у меня всегда, бегу и не успеваю..,—уголок его рта жалоб-

но вздрогнул, он снова всхлипнул и затем дрожащими, еле движущими губами, добавил,—ослаб я..., как всегда... не знаю, дотяну ли...

—Дотянешь! Надо только захотеть!—убеждал его Магомед.

—Где же твое хваленое мужество?—с усмешкой задел Мурада Мирза.—Я, я... мужчина, а сам превратился в хлюпика...,—последнее слово он договорил механически, теряя силы.

«Вот и хорошо,—подумал Магомед, — хотя и сказано с издевкой, все же Мураду от этого польза, он сейчас вскипит от обиды, значит будет жить...»

—Ты-то кто?—вступил в перепалку Мурад.—Ты посмотри на себя, лимон выжатый! Чемпион мира! Чемпион несостоявшийся!—Совсем уже слабым голосом ехидно добавил он.—Так же ты будешь и начальником...

Спряталась луна и где-то вдалеке прогремел гром... И тут же, осветив гнетущую черноту ночи, блеснула молния.

Мирза испуганно вздрогнул и произвольно дернул раненым плечом, отчего все его тело пронзила глубокая боль и чуть не лишила чувств. Он держался уже из последних сил и лишь лихорадочно работающий мозг держал его на поверхности.

«Доигрался...,—осуждал он себя удрученно.—А теперь погибнешь..., отец не простит, а мама...»

Теряя последние силы, Мирза отпустил окровавленный сук и...

И в этот миг ночную тишину прорезал радостный крик Магомеда.

—Огонь! Вон, видите,—показывал он рукой левее себя,—там свет горит!

—Берег!—очнувшись, и схватив снова корягу, проговорил Мирза.

—Наконец-то! — проснулось сознание удерживаемого Магомедом Мурада:

—Давайте, ребята, напрягитесь, толкнем нашу корягу туда, надо торопиться,—звал Магомед своих товарищей на помощь.

Но те не только не могли помочь, они сами держались из последних сил.

—Э-э-эй!—стал кричать Магомед, размахивая одной рукой.—Помогите!

—На помощь!—стали кричать и его товарищи, но их глухие голоса утонули в шесте волн.

Как они доплыли до баркаса, на котором горела висячая лампа, было известно одному аллаху и, конечно, Магомеду, который из последних сил все же пригнал корягу к цели.

Услышав уже уставшие от крика глухие голоса ребят, моряки с рыболовного баркаса подогнали свою посудину ближе к ним и бросили веревочную лестницу.

Уже выдыхаясь, Магомед помог поднять на палубу полуживых Мурада и Мирзу, а потом чудом поднялся сам, устало сел на корточки и, потеряв сознание, медленно скатился на бок...

СМЫСЛ ЖИЗНИ

Начальник отдела кадров крупного станкостроительного завода, господин Грызунов, низенького роста и щупленький, но довольно подвижный мужчина лет сорока, с высоким, за счет лысины, лбом и большими, не по лицу, очками, за которыми прятались пронзительные, как у хищника, глаза, не по размеру головы, длинными ушами да тонкими, без улыбки, всегда сомкнутыми губами, несмотря на тщедушный вид, пользовался в заводском коллективе славой человека замкнутого, настырного и злопамятного, способного на любые пакости. О его неистребимом желании протолкнуть на всякие командные должности своих родственников или близких судачили не только в заводоуправлении, а и в цехах, однако всерьез, прямо сказать ему об этом не решался никто. В самом деле, кому охота иметь врага в лице хитрого и коварного человека, знающего о каждом даже такое, о чем забыл и сам.

В стране, где за труд платят гроши, безгрешным быть трудно.

Более того, многие до сих пор помнили историю с мастером гальванического цеха, который попытался было о проделках хитроумного начкадра обратиться с письмом в Министерство и о том, чем все это кончилось, как все комиссии, проверяя его, сталкивались с поразительной аккуратностью в делах, четкой исполнительной дисциплиной

и высоким профессионализмом начкадра.

Всегда опрятный, выглаженный с иголки, трезвый и сухонький, как детский пенис, этот маленький человечек казался в дни проверок олицетворением спокойствия и деловитости и выглядел порой даже выше своего роста, ну прямо будто рос на глазах.

Все проверяющие сходились во мнении, что, несмотря на отсутствие высшего образования (у начкадра за плечами была лишь сельская десятилетка) Грызунов мог служить для других образцом деловитости, честности и профессиональной пригодности. Что же касается мастера-гальваника, то в его биографии оказались столько доселе неизвестных «черных» пятен, о чем естественно, позаботился господин Грызунов, что мастера, через некоторое время, через суд отправили на несколько лет их «очищать».

Такие вещи господин Грызунов никогда не прощал. За двадцать лет работы на заводе он всегда добивался поставленной цели и считал себя способным решать их и в дальнейшем...

Как говорится, маленькие люди видят большие сны. Так и у нашего Грызунова была в жизни великая цель, можно сказать цель всей жизни—в течение нескольких лет занять на заводе главные позиции, поставить на важнейшие должности своих близких родственников, а их у него было предостаточно, прибрать к рукам и кое-кого со стороны, а потом, как говорится, лиха беда начало, грабить и красть из завода все, что могло принести деньги. И надо сказать, что

шел Грызунов к поставленной цели, как тот самый хомяк, который без устали прокладывает множество незаметных, «подземных» ходов, чтобы неожиданно урвать свой запланированный «кусок».

При этом, на первых порах, господин Грызунов отказывал себе во всем, даже в необходимом, чтобы не дай бог, что-то могло бросить тень на его безупречную репутацию. Кто же время он не щадил и тех, кто становился ему на пути, безжалостно подминая их под себя.

Так было и с должностью вышеупомянутого мастера-гальваника. Представления на двух инженеров на их назначение на эту вакансию, несмотря на рекомендации главного инженера завода, так и не прошли, ибо «аполимные» компроматы Грызунова и здесь сыграли свою роковую роль. За то то муже начкадру удалось протолкнуть туда своего очередного племянника.

Настоящая «битва» началась несколько позднее, когда стало известно о вакансии на должность заместителя главного инженера, того самого «главного», который, словно кося, сидел в горле начкадра. Грызунов понимал, что, имея на должности «зама главного своего человека, можно потом протянуть трамплин и к самому «главному», а значит, на намеченном пути в будущем могла быть устранена самая важная преграда. Но как подступиться к решению этой сложной задачи он пока не знал. Дело в том, что кандидатура зама главного инженера была номенклатурой Главка и без согласия глав-

ного инженера или директора продвинуть своего человека на образовавшуюся вакансию было практически невозможно. Вот почему Грызунов, забыв, как говорится, о сне и отдыхе, мучительно искал выхода из создавшегося положения.

Оставался лишь один человек, директор завода, перед которым кадровик трепетал, никогда за много лет с личной просьбой к нему не обращался, но чем был вызван этот трепет, что послужило причиной подобного страха, никто не знал. В то же время ни от кого не укрывалось, что на доклад к нему Грызунов ходил теряя свою обычную форму, чуть подобострастно сгорбившись, но всегда тщательно подготовленным и, в отличие от большинства руководителей структурных подразделений, доклады его отличались полнотой и лаконичностью. Каким-то только ему известным образом он знал, что директор терпеть не мог многословия.

Некоторые приписывали подобное поведение Грызунова тому, что, мол, директор знает какой-то грешок начкадра и потому держит того на крючке, другие же склонны были думать, что подобная реакция Грызунова связана с его, в отличие от директора, малым ростом, так сказать, полной несоразмерностью. Но как бы там не было Грызунов перед директором тушевал.

Директор же был пятидесятилетний двухметровый гигант с большой головой, крупными чертами лица, черными густыми волосами и широкими почти сливающимися у переносицы бровями. Жил он в заводском

домике. без всяких излишеств, детей не имел и большую часть своего времени проводил на производстве. Говорили, что некогда он ходил в каких-то партийных начальниках, однако из-за своего строптивого характера и нежелания быть подобострастным, добровольно покинул ПП—партийный пост и, будучи отличным инженером, возглавил этот завод. Несмотря на трудности, дела на заводе шли удовлетворительно.

Правда была у него одна слабость, можно сказать, ахиллесова пята, от которой директор испытывал подлинное наслаждение, высшую степень удовольствия — был он морж. Бросаться в прорубь в самый лютый мороз было для него величайшим блаженством.

Вот об этой слабости директора узнал Грызунов и решил им воспользоваться, чтобы таким образом с ним сблизиться, так сказать, наладить контакт не в рабочей обстановке. Начал начкадра с того, что, несмотря на лютый мороз, стал ходить без головного убора, что немедленно вызвало у него простуду. Но вопреки здравому смыслу, вылечившись, он продолжал «закалять» свой организм, как говорится, вышибать клин клином. Через пару недель, в не менее холодное утро, он, собрав всю свою волю, пошел к промерзшей проруби и увидел купающегося в нем директора. Обладая незаурядным хладнокровием, Грызунов не раздумывая, разделся, надел на голову резиновую шапочку, как это сделали и остальные, и, съевшись, от чего стал вообще крохотным,

бросился в холодную воду. Выглянул он из воды, вытаращив глаза, будто заживо его жарили на сковороде. У него сложилось впечатление, что он перестал дышать, сердце остановилось и сейчас он умрет, однако, собрав всю свою волю, он с трудом возобновил дыхание и услышал, вернее, почувствовал, лихорадочное биение собственного сердца.

Так господин Грызунов оказался в компании директора, который от наслаждения в холодной воде фыркал и брыкался, как молодой теленок.

В следующий раз Грызунов взял с собой, рекомендуемую моржам, щетку для массажа и предложил директору натереть ему спину, а тот, памятуя, что это хорошо циркулирует кровь, с радостью согласился. И по мере того, как количество их встреч увеличивалось, прямо пропорционально росло и их взаимное согласие, а потом и взаимопонимание. В конце концов директор дал однажды Грызунову согласие назначить его очередного родственника заместителем главного инженера.

Но... Грызунов все же до конца все рассчитать не сумел, простудив почки, он в скором времени слег и умер... Не пощадившая Грызунова смерть, на этот раз решила все его жизненные проблемы.

Высохший колодец

Единственное, что оставил нам в наследство дед, был колодец—гордость всей нашей семьи. Рассказывали, что строил он его целый год и построил на славу — глубокий, чистый, с лесенкой вниз. Случайный прохожий или гость, испив из него воды, долго потом говорил, что не пил такой ни разу в жизни.

Действительно, вода в колодце была холодная, будто стекала в него с ледяных вершин, зеркально-чистая, с еле заметным привкусом горного пырея. Долго служил нам колодец, став предметом заботливого ухода, пока однажды к нам не провели водопровод.

С этого дня колодцу не повезло. Наши домашние перестали брать из него воду, ссылаясь на то, что это отнимает много времени, кто-то уронил в него старое ведро, дети стали бросать камешки, а потом все что попадало им в руки, прислушиваясь, как булькала на дне вода.

Шло время, а оно многое стирает. Забыли и о колодце.

Но совсем недавно (по случаю ремонта водопровода) мы остались без воды. Вот тогда и напомнил о себе забытый колодец. С сожалением и грустью смотрели мы на него: со дна колодца несло чем-то неживым.

И сегодня, когда уже нет того чудесного колодца, которому мы прежде не знали це-

ны, пришло понимание, что в свое время не отнеслись к нему с вниманием, не уберегли плоды добрых рук человеческих.

...Мы не ценим воду, пока не высохнет колодец.

ЗВАНЫЙ ОБЕД

Одноактная пьеса

Действующие лица:

ОВШОР, 30-35 лет.

ТЕЙЛО, его жена, 30 лет.

ЮСУФ, 30-35 лет.

СОДУГ, 40 лет.

МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА, гости, 60-65 лет.

Действие происходит в наши дни.

Столовая комната. Справа—дверь в другую комнату, слева дверь и окно во двор. У стены—диван, а над ним—ковер. В центре комнаты—стол и четыре стула. Справа—тумбочка с телефоном. ОВШОР и ТЕЙЛО, поминутно поглядывая в окно, сервируют стол.

ОВШОР (берет со стола бутылку). Хорошее вино, редкая вещь. Думаю, директору моему понравится.

ТЕЙЛО (в руках ложки и вилки). Он один придет или с женой?

ОВШОР. Не знаю. Возможно один... Да это и не важно. (Берет стул и ставит на другое место). Я сяду сюда, Юсуф—туда, ты же—с той стороны. А директора посажу рядом с собой. (Стул, предназначенный директору, ставит рядом со своим стулом и, забывшись, вытирает его краем пиджака).

ТЕЙЛО (взглянув на ОВШОРА, недовольно вскрикивает). Что ты делаешь? Костюмом стул вытираешь? За него же куча денег заплачено!

ОВШОР (улыбается). Ну и что? Главное, чтобы он пришел сюда, а там... таких денег у нас будет сколько угодно.

ТЕЙЛО (недовольно). Да ну тебя!.. (Вспоминает). А ты его знаешь, этого нового директора?

ОВШОР (смотрит в окно, затем поворачивается в сторону жены). Нет, даже не видел ни разу. Но Юсуф говорит, что хороший человек.

ТЕЙЛО. А ты на какую работу хочешь устроиться?

ОВШОР. Заместителем по коммерции, как говорят, все в твоих руках. Сейчас эта должность вакантная. Когда Юсуф сказал, что знает нашего нового директора, я попросил пригласить его к нам в гости... (Берет со стола тарелку, нюхает содержимое). Замени-ка это блюдо, не нравится оно мне что-то...

ТЕЙЛО. Что не нравится? (Берет у ОВШОРА тарелку, нюхает). Никакого запаха нет...

ОВШОР (раздраженно). Тьфу, харамзеде! Я тебе сказал—значит замени. Проживешь еще тридцать лет, ничего путного не сготовишь. Даже людей стыдно пригласить домой... (Продолжает украшать стол).

ТЕЙЛО (обиженно). Раскричался. Все ему не так... (Уходит во двор).

ОВШОР. (про себя). Что-то ЮСУФА нет и нет...

ТЕЙЛО (приносит новое блюдо, кладет на стол и подходит к окну). Что-то нет твоего гостя?

ОВШОР (раздраженно). Чтоб сгорел он вместе с Юсуфом. Ведь просил не задержи-

ваться... Если директор не придет, все мои расходы на ветер...

ТЕЙЛО. Никак не возьму в толк, всего два дня, как к вам назначили нового директора, когда же Юсуф смог так близко с ним познакомиться?

ОВШОР (улыбается). Ты не знаешь ЮСУФА, эту лису! Ха.. Как только в городе появляется какой-нибудь новый начальник, первым с ним знакомится ЮСУФ. Сам удивляюсь, как будто магнит в нем сидит...

ТЕЙЛО. Магнит? Нет, по-моему деньги таких простаков как ты.

ОВШОР (раздраженно бьет рукой по колену). Вот змея! Чтоб у тебя язык отсох! Ой худо, чтоб провалился тот, кто свел меня с тобой!

ТЕЙЛО (удивленно). Что я такое сказала, что ты взбесился? Или хочешь за обманщика ЮСУФА зло сорвать с меня?

ОВШОР. Молчи, змея! Или я тебя... (направляется на нее).

ТЕЙЛО (испуганно). Ой, помогите!..

Стук в дверь.

ОВШОР. Оо! Пришли, наконец. Не дай бог услышали твой крик... Какой стыд... (Открывает дверь). Заходите! Заходите, пожалуйста! Мы вас давно ждем.

Входит недовольный ЮСУФ.

ОВШОР (огорченно). Ты один, а где директор?

ЮСУФ (устало). Не нашел. Бедные мои ноги. (Садится). Клянусь тебе, ОВШОР, если бы не твоя просьба, я никогда столько не

искал, просто измучился. Что делать, ради нашей дружбы...

ОВШОР. Спасибо, я тоже ценю ее. Конечно, для чего же тогда друзья? Недаром говорят: «Рука руку моет, а руки — лицо». (Вспомнив о чем-то). ЮСУФ, ты давно знаешь нашего нового директора?

ЮСУФ. Да, а что?

ТЕЙЛО. Извините, пожалуйста, что я вмешиваюсь в ваш разговор. С этим директором вы очень хорошо знакомы?

ЮСУФ (недовольно). Да, да...

ОВШОР. Дорогой ЮСУФ, не посчитай за труд, сходи еще раз.

ЮСУФ. Еще раз? Нет, видно не судьба сидеть ему за этим прекрасным столом, в следующий раз...

ОВШОР и ТЕЙЛО испуганно переглядываются.

ОВШОР. Прошу тебя, сходи еще раз. Давай для бодрости выпьем на дорогу по сто грамм. (Наливает в рюмки водки).

ЮСУФ. А ведь правда, чтобы не было стыдно, надо выпить. (Выпивает).

ТЕЙЛО. Извините меня, несмышленную. Если вы директора так хорошо знаете, чего же его стыдиться?

ЮСУФ (недовольно). Я очень не люблю, когда женщины вмешиваются в мужской разговор. Ладно, время не ждет, я пошел...

ОВШОР. В добрый путь, Дорогой ЮСУФ, хорошенько разузнай где он, может быть где-нибудь у друзей...

ЮСУФ. Не беспокойся... Но не нравится

мне, когда женщины вмешиваются... (Выходит).

ОВШОР (сердито). Кто тебя за язык тянет, чтоб отсох он у тебя! Кто тебе разрешил вмешиваться в наш разговор?!

ТЕЙЛО. А-а-а! Теперь я узнала твоего так называемого друга. Этот дармоед, обманщик, ради рюмки водки родного отца продаст, ха... Он обманщик, а ты доверчивый. Недаром говорят: «Обманщик доверчивого проведет!» Два года назад, ценой больших денег, ты из-за него еле голову унес. Неужели и это не стало тебе уроком?

ОВШОР. Хватит тебе болтать! Если бы не ЮСУФ, не сдобровать нам тогда. Именно он, поговорив с кем-то, замял дело. Тебе неизвестно, что люди такие дела всегда через ЮСУФА делают! (Задумывается). Правда, тогда мне это все дорого обошлось...

ТЕЙЛО. Эта хитрая лиса за твои деньги и себя выручил. «Дорогой ЮСУФ!» Я даже не подозревала, что это он приглашает директора. Я бы не стала делать такие расходы. Он, наверное, и директора-то как следует не знает...

ОВШОР (задумывается). Не может этого быть. Не мели ты... и так на душе кошки скребут...

Раздается звонок телефона. ТЕЙЛО берет трубку.

ТЕЙЛО. Да, Кто? СОДУГ? Добрый вечер! Когда приехал, уже два дня? И Мина с тобой? Она дома? К маме пошла? Что-нибудь, не дай бог, случилось? А-а, просто погос-

ТИТЬ. ОВШОР?

ОВШОР. Скажи, меня нет!

ТЕЙЛО. Да, дома.

ОВШОР. Сказала, что дома?

ТЕЙЛО. Как? Хочешь придти? Приходи, если хочешь. (Кладет трубку).

ОВШОР (злобно). Сказала, что я дома?

ТЕЙЛО. А что я должна была сказать? Содуг, как уехал, несколько лет не был у нас...

ОВШОР. И ты поэтому решила сорвать все мои планы? О, всевышний! Змею у сердца грею! (Злобно). Теперь, если придет директор, как я прогоню СОДУГА, а?

ТЕЙЛО. А зачем гнать? Пусть и он сидит. Уважаемый человек, говорят недавно куда-то выдвинули. К тому же не чужой, свояк твой...

ОВШОР. О-о-о! (Хватается за голову). Ведь ЮСУФ предупредил, чтобы посторонних не было, ибо поговорить по душам с директором не удастся. Ты же видишь, не слепая. я сделал большие расходы, чтобы решить свой, немаловажный, вопрос, а теперь при СОДУГЕ или мудугу, как я буду говорить с директором, а?

ТЕЙЛО. Если твой директор придет, в чем я сомневаюсь, я скажу СОДУГУ, чтобы он зашел в другую комнату.

Входит СОДУГ.

СОДУГ. Добрый вечер!

ТЕЙЛО. Добрый вечер! С приездом!

ОВШОР (недовольно). Добрый вечер!

СОДУГ. Спасибо. О, да у вас стол накрыт,

роскошный какой!

ТЕЙЛО. Гостя ждем.

СОДУГ. По всему видать, гость особенный...

ОВШОР. Да. (Глубоко вздыхает). И спать хочу, вчера на свадьбе был, не выспался. Если через десять минут не придет, пойду спать. Да, как Мина, дети? Ты какими судьбами?

СОДУГ. Что касается дел, то все, как будто, нормально. А Мина пошла к матери, я оставил ключ соседям и предупредил, как вернуться, пусть с детьми придут сюда.

ОВШОР (в сторону). Этого еще не хватало! (Обращается к СОДУГУ). Я удивляюсь вашему легкомыслию. Как можно соседям оставлять от квартиры ключ, кругом столько воровства?

СОДУГ. Что ты говоришь? Соседи у нас люди хорошие.

ОВШОР. Э-э, не говори, не говори, СОДУГ. Сейчас даже родному брату нельзя верить.

СОДУГ. Оставим это. Кого же ты ждешь, не меня ли?

ОВШОР. Тебя? Нет, одного руководящего работника...

СОДУГ. А-а...

ОВШОР. И он предупредил, чтобы посторонних людей не было.

СОДУГ (улыбается). Конечно, конечно, я понимаю. Что касается меня, я не чужой, свояк твой...

ОВШОР. Клянусь тебе, СОДУГ, он предупредил, чтобы даже родного брата не было.

ТЕЙЛО. Сюда никто не придет. Если бы пришел, давно бы был здесь.

ОВШОР (в сторону). Тьфу, ведьма! Еще бы немножко, я бы выпроводил свояка. (Обращается к жене). А если придет, что тогда?

ТЕЙЛО. Если придет, мы попросим СОДУГА зайти в другую комнату.

СОДУГ (решительно встает). В таком случае, извините... (Идет к выходу).

Стук в дверь.

ОВШОР. О-о, пришли! Я прошу тебя, СОДУГ, не выходи. Не удобно, если увидят уходящего при накрытом столе.

ТЕЙЛО (берет СОДУГА за локоть). Прошу тебя, пойдем в другую комнату, не обижайся, пожалуйста...

СОДУГ. Да я...

ОВШОР. Хорошо, хорошо...

ОВШОР и **ТЕЙЛО** заталкивают СОДУГА в другую комнату. Тейло закрывает дверь.

ТЕЙЛО. Уф...

ОВШОР. Дверь закрыла?

ТЕЙЛО. Да.

ОВШОР (открывает дверь во двор). Входите, входите, пожалуйста!

Со двора слышится женский голос.

ЖЕНЩИНА. Овшор здесь живет?

ОВШОР (в сторону). По всему видать директор и жену свою привел. (В двери). Входите, да вы туда пришли...

МУЖЧИНА и **ЖЕНЩИНА** (со двора). Извините, нет времени...

ОВШОР. Как нет времени? Стол вас ждет, входите, садитесь.

МУЖЧИНА (со двора). В таком случае, жена, пойдем.

Входят мужчина и женщина, за плечами мешки. **ОВШОР** и **ТЕЙЛО** удивленно смотрят друг на друга.

МУЖЧИНА и **ЖЕНЩИНА** (вместе). Добрый вечер!

ТЕЙЛО. Добрый вечер!

ОВШОР. Вы.., вы кто?

МУЖЧИНА. Мы... с селения, дети мои. Один ваш друг передал вам письмо. Но раз ты попросил, чтобы мы не прошли мимо твоего гостеприимного стола, решили зайти.

Мужчина и жена кладут мешки около двери. Мужчина вынимает из кармана письмо и передают **ОВШОРУ**.

МУЖЧИНА. Вот, пожалуйста.

Затем оба берут по стулу и усаживаются поодаль от стола.

ОВШОР (в сторону). Я от одного еле отделался, теперь мне бог новых гостей послал. Да, провалится **ЮСУФ** вместе с директором! Чтобы ни дна им ни покрышки! (Обращается к гостям). Вы с этими мешками, наверное, на вокзал торопились?

МУЖЧИНА. Да, шли на вокзал.

ОВШОР. Смотрите, не опоздайте.

МУЖЧИНА. Который час, сын мой?

ОВШОР. Восемь.

МУЖЧИНА. В таком случае, можно еще посидеть.

ТЕЙЛО (быстро смотрит на свои маленькие часики). Н-е-е-т, у него часы отстают. Сейчас 20 минут одиннадцатого...

ЖЕНЩИНА. О-о! Мы опоздали. Что же

теперь делать?

МУЖЧИНА. Что делать? А ничего, останемся здесь, у этих гостеприимных людей, лучшего места не надо.

ОВШОР (в сторону). О-о, все пропало!

ЖЕНЩИНА. А вы что не садитесь, дети мои?

ТЕЙЛО. Гостя ждем.

ЖЕНЩИНА. Чтобы всегда в счастливый день приходили к вам гости! Ты видишь, муж, какие гостеприимные хозяева? Раз такое дело, давай сядем ближе. (Садятся ближе к столу).

МУЖЧИНА. Чтобы ваши дети почитали вас также, как вы нас, дети мои.

ОВШОР и **ТЕЙЛО**, забыв обо всем, устремились к окну.

ЖЕНЩИНА (берет ложку и шепчет мужу). Что-то они не садятся.

МУЖЧИНА (наливает в стаканы вино). Я тоже не пойму...

Оба берут в руки стаканы с вином.

ОВШОР (повернувшись к гостям, испуганно восклицает). Вы.., что вы делаете?

МУЖЧИНА и **ЖЕНЩИНА** удивлены. Кладут стаканы на стол.

ТЕЙЛО (выдавливает из себя улыбку). Извините, пожалуйста, ваши мешки лежат у порога, вошедший может упасть. (Подходит к мешкам). Можно я перенесу их?

МУЖЧИНА (встает). Что вы? Зачем вам беспокоиться? Мы сами перенесем. Вставай, старая. (Оба подходят к мешкам и переносят их к столу). Сюда можно?

ТЕЙЛО. Лучше положить к тем дверям.

МУЖЧИНА. Хорошо, дочка. (Кладут мешки у дверей, за которыми находится СОДУГ. Снова садятся за стол, поднимают стаканы...

ОВШОР (подходит к телефону, в сторону). Где же этот ЮСУФ? (Набирает номер, слушает, затем кладет трубку).

ТЕЙЛО. Извините, пожалуйста, еще раз побеспокою вас. У нас есть обычай, если гость далекий, они должны помыть руки...

Мужчина и женщина снова кладут стаканы. Смотрят на свои руки. Встают.

ЖЕНЩИНА. Ваш обычай, дочка, похож на старую поговорку: грязные руки, говорили раньше, мытьем не вычистишь.

МУЖЧИНА. Где ваш умывальник?

ТЕЙЛО (снимает с вешалки полотенце). Во дворе, я вам покажу. (Проходя мимо ОВШОРА). Позвони ЮСУФУ еще раз.

Мужчина, женщина и Тейло выходят. Овшор подходит к телефону, набирает номер, слушает. Входит Тейло.

ОВШОР (кладет трубку). Нет, никто не отвечает. Что делать? Как выпроводить их отсюда? Собрать все со стола?

ТЕЙЛО. А если вдруг придет директор?

ОВШОР. Что же делать?

ТЕЙЛО (берется за голову). Просто не знаю что делать... Ты тоже хорош, не разобравшись, кто и что, сразу: «Входите, стол вас ждет!»..

ОВШОР. Откуда мне было знать? А ты чего расшумелась! Скажу, чтобы ушли и все, что их стесняться...

ТЕЙЛО. Этого еще не хватало! Мало того, что мы опозорились перед СОДУГОМ, теперь

о нас молва дойдет и до села.

ОВШОР (отчаянно). Что же делать?

Со двора входят мужчина и женщина.

МУЖЧИНА (у порога). Снимай, старая, туфли, чтобы еще раз не вставать.

Снимают туфли, садятся за стол, поднимают стаканы. Стук в дверь.

ОВШОР. Пришли, наверное! (Обращается к гостям). Вставайте! Я вас прошу, вставайте, зайдите в другую комнату. Сюда должен придти другой человек.

Мужчина и женщина снова кладут стаканы и встают.

МУЖЧИНА. Какой стыд. Что вы за люди?

ОВШОР. Я вам завтра еще лучший стол накрою.

ЖЕНЩИНА. Сегодняшний хинкал лучше завтрашнего плова.

МУЖЧИНА (обиженно встает и подходит к мешкам). Бери, старая, нам здесь делать нечего! (Поднимают мешки). Пойдем.

ОВШОР и ТЕЙЛО преграждают им дорогу.

МУЖЧИНА (возмущенно). Что еще?

ОВШОР. Не выходите, я прошу вас.

МУЖЧИНА (удивленно). Так вы же сидеть не даете?

ЖЕНЩИНА (в сторону). Вот бессовестные!

ТЕЙЛО. Заходите в другую комнату.

МУЖЧИНА. Что за комедия? Нет, нам здесь делать нечего.

ЖЕНЩИНА. Ни сидеть не дают, ни уходить—просто удивительно.

Овшор и Тейло силой заталкивают гостей

в другую комнату. Хозяин открывает дверь
вод вор. Входит усталый Юсуф.

ОВШОР. Не нашел?

ЮСУФ. Услышав голоса, я обрадовался,
думал директор твой уже здесь.

ОВШОР. И домой ходил к нему?

Тейло устало садится на стул.

ЮСУФ. Столько стучался, наконец, сосед-
ка вышла и говорит, что их нет дома. Спра-
шиваю, где, отвечает: жена с детьми к ма-
тери ушла, а муж к свояку...

ОВШОР. Сваяку?!

Из другой комнаты выходит СОДУГ, за
ним мужчина и женщина.

СОДУГ. Ты звал меня?

ЮСУФ (удивленно). СОДУГ? САША? Ты
здесь? Я устал тебя искать! Как ты здесь
очутился? (Обращается к хозяевам). Кого вы
ждете? Овшор! Вот твой директор!

ОВШОР и ТЕЙЛО. Как??? (немая сцена).

Занавес.

СОДЕРЖАНИЕ

Тайна тетради №7 (рассказ)	3
Полонез любви (рассказ)	19
Пути господни.. (рассказ)	44
Фрам (рассказ)	80
Трое в море (рассказ)	99
Смысл жизни (рассказ)	119
Высохший колодец (рассказ)	125
Званный обед (пьеса)	127

Михаил Борисович ДАДАШЕВ

Редактор-корректор—С. Рабаев

Художник — А. Ш. Ризаев

Техн. редактор—Д. М. Шабанова..

Сдано в набор 4.09.2000 г. Подписано в печать 04.10.2000 г. Формат 70х90 1/32. Бумага офсетная. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 5,19. Уч. изд. л. 4,49. Тираж 2000. Заказ 3388.

ГУП «Типография №3» Министерства по национальной политике, информации и внешним связям РД.

368600, г. Дербент, ул. Коммунаров, 25.
Цена свободная.

Лицензия на издательскую деятельность
АА №000058 от 25 мая 1995 г.

